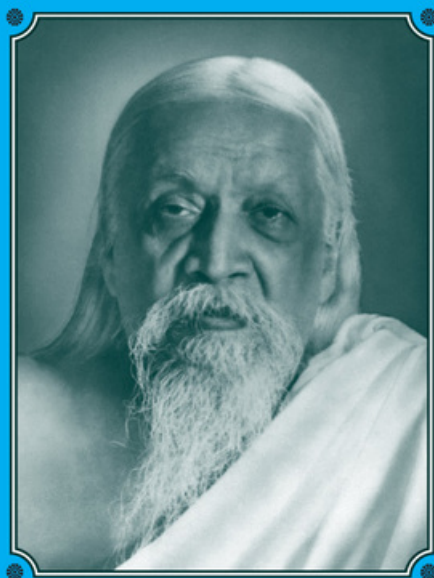

ШРИ АУРОБИНДО

СИНТЕЗ ЙОГИ II

Шри Ауробиндо
Шри Ауробиндо. Синтез Йоги – II
Серия «Шри Ауробиндо. Собрание сочинений», книга 18

Текст предоставлен издательством «Адити»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958353
Шри Ауробиндо. Синтез Йоги – II: Адити; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-7938-0059-4

Аннотация

В данном томе представлены вторая и третья части «Синтеза Йоги», в которых Шри Ауробиндо раскрывает возможность единения с Божественным, следуя путем Знания и Любви. Дается описание методов, позволяющих человеку выйти за пределы нынешних ограничений, освободиться от эго, познать свое высшее «Я», обрести высочайшее духовное Знание и божественную Любовь. Особое внимание уделяется необходимости гармоничного сочетания развития внутреннего опыта и его проявления во внешней жизни.

Содержание

Предисловие	4
Биографическая справка	5
Часть вторая. Йога интегрального знания	8
Глава I. Объект Знания	8
Глава II. Обретение Знания	17
Глава III. Очищенное Понимание	23
Глава IV. Сосредоточение	29
Глава V. Отречение	35
Глава VI. Синтез дисциплин Знания	41
Глава VII. Освобождение от подчиненности телу	46
Глава VIII. Освобождение от уз сердца и ума	50
Глава IX. Освобождение от эго	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Шри Ауробиндо

Синтез Йоги II

«Вся жизнь – йога»

Предисловие

«Синтез Йоги» – главное, фундаментальное произведение Шри Ауробиндо, посвященное йоге. Оно состоит из четырех частей; в первых трех частях книги с позиций Интегральной Йоги рассматриваются основные пути традиционной индийской йоги: Карма-йоги (Йоги действий), Джняна-йоги (Йоги знания) и Бхакти-йоги (Йоги преданности); в четвертой части излагаются основы Йоги Самосовершенствования, предложенной Шри Ауробиндо. По словам самого Шри Ауробиндо:

«Синтез Йоги» не предназначался для того, чтобы дать метод, которому должны следовать все. Каждое направление йоги рассматривалось отдельно, со всеми его возможностями, и давалось объяснение того, каким образом разные пути йоги сходятся, – так, чтобы человек, начав следовать по пути Йоги знания, мог также достичь реализации Карма-йоги и Бхакти-йоги, и то же самое касается каждого пути. Было намерение, закончив раздел Йоги Самосовершенствования, предложить путь, на котором все системы йоги могли бы быть объединены, но эта часть так и не была написана.
18 мая 1936 г.

«Синтез Йоги» впервые начал издаваться в ежемесячном журнале «Арья», который выходил с августа 1914-го по январь 1921 г. Когда выпуск «Арьи» был прекращен, работа осталась незаконченной, и Шри Ауробиндо никогда не предпринимал попыток ее завершить. Тем не менее он частично отредактировал введение, существенно исправил первую часть «Йога божественных трудов» и внес значительные исправления в некоторые главы второй части «Йога интегрального Знания». Первую публикацию «Синтеза» в «Арье» и его незавершенную вторую редакцию разделяют более тридцати лет. В результате есть некоторые различия в терминологии между отредактированной и неотредактированной частями книги.

В 1948 г. главы, составлявшие «Йогу божественных трудов», были опубликованы отдельным изданием Библиотекой Шри Ауробиндо (Мадрас). Никакая другая часть «Синтеза» при жизни Шри Ауробиндо не издавалась самостоятельной книгой. В 1955 г. Международным университетским центром имени Шри Ауробиндо (Пондичери) «Синтез Йоги» был впервые опубликован в наиболее полном виде. Содержание этой книги, в которую вошли введение и четыре части, с незначительными изменениями использовалось для всех последующих публикаций.

В данном томе мы представляем вниманию читателей введение и первую вторую и третью части книги: «Йога божественных трудов», «Йога Интегрального Знания» и «Йога Божественной Любви».

Биографическая справка

Шри Ауробиндо – выдающийся мыслитель, общественный и политический деятель, поэт-провидец, йогин – родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье доктора Гхоша, происходившего из знатного рода воинов-кшатриев. С семилетнего возраста обучался в Англии – сначала в школе Св. Павла в Лондоне, а затем в Королевском колледже в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. С ранних лет он проявил выдающиеся способности в латыни и греческом, а также в стихосложении.

В 1893 г. в возрасте 21 года Шри Ауробиндо возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет он занимает различные посты в администрации города Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. Кроме того, в эти годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии. Издававшийся им журнал «Банде Матарам» стал могучим голосом освободительного движения, впервые выдвинув идеал полной независимости страны, а также сформулировав конкретные методы его достижения. Одновременно он продолжает свое поэтическое творчество, а также погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии, овладевает санскритом и другими ее языками и начинает постигать ее древние священные писания. Осознав подлинное могущество и ценность духовных открытий, давших жизнь всей ее богатейшей многовековой культуре, он в 1904 г. решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме по обвинению, грозившему ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден.

Этот год стал для него «университетом йоги»: он достиг фундаментальных духовных реализаций и осознал, что его цель не ограничивается освобождением Индии от иноземного господства, но состоит в революционном преобразовании всей природы мироздания, в победе над неведением, ложью, страданием и смертью.

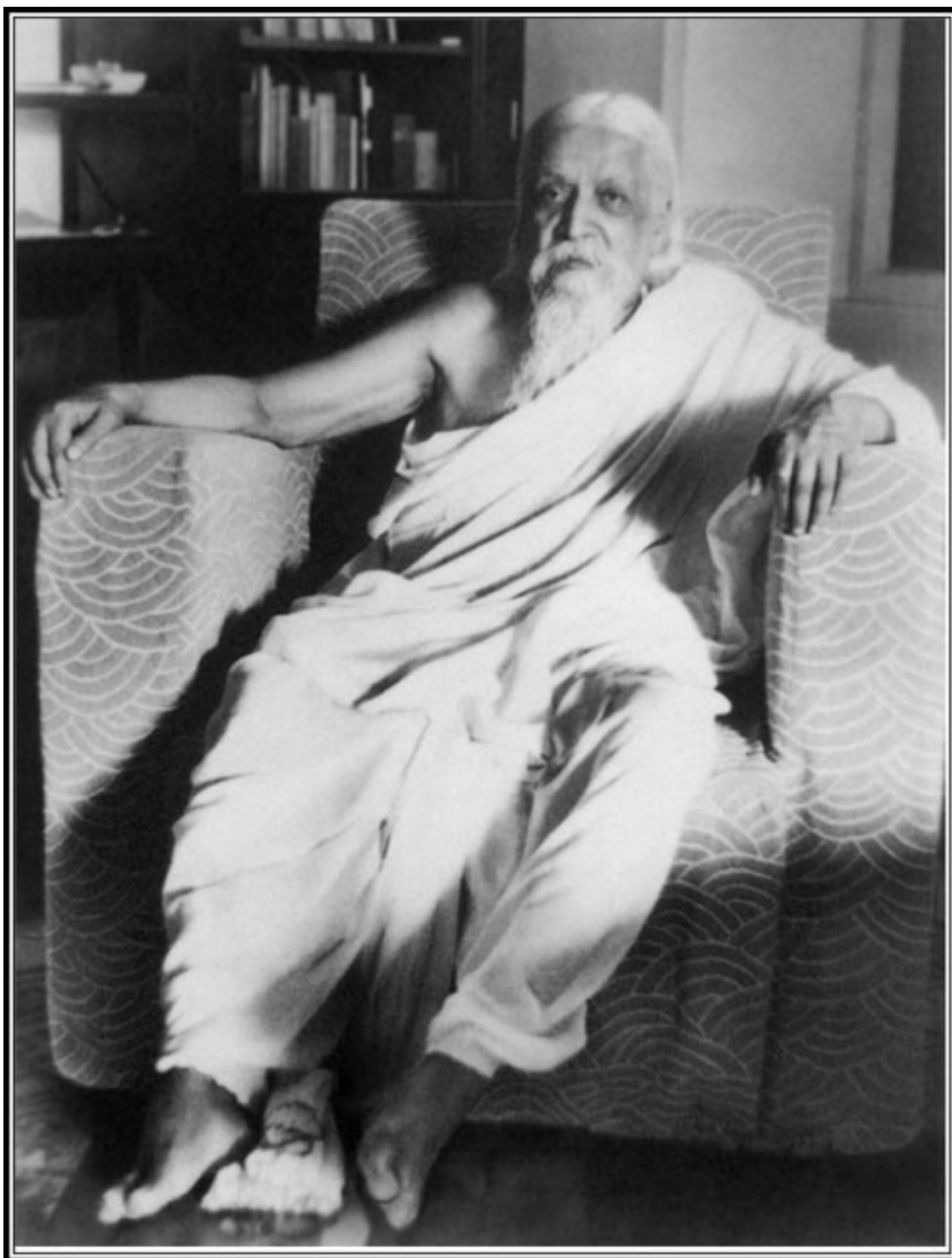
В 1910 г., повинаясь внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичери, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжить интенсивные занятия йогой. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле «жизни божественной». Достижению этой цели он и посвятил себя, разработав для этого свою Интегральную Йогу.

С 1914 по 1921 г. он издает ежемесячное философское обозрение «Арья», где публикует свои главные труды, в которых подробно рассматривает основные сферы человеческого бытия в свете высшего Знания, обретенного в результате практики йоги, раскрывает истинный смысл древних писаний – Вед, Упанишад, Бхагавадгиты, значение и роль индийской культуры, исследует проблемы развития общества, эволюцию поэзии и поэтического творчества.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает 35 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которую он создавал в течение последних тридцати пяти лет жизни и которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

В центре уникального мировоззрения Шри Ауробиндо – утверждение о том, что мировая эволюция есть постепенное самопроявление, самообнаружение Божества, скрыто пребывающего в Природе в результате предшествующей инволюции. Поэтапно восходя от камня к растению, от растения к животному и от животного к человеку, эволюция не останавливается на человеке, но, реализуя свою внутреннюю истину, тайную Божественность, устремляется дальше, к созданию более совершенного, «божественного» вида, который будет превосходить человека в гораздо большей мере, чем тот превосходит животное. Человек – лишь переходное ментальное существо, чье призвание – достичь более высокого, «супраментального», уровня сознания, Сознания-Истины, и низвести его в мир, преобразив все свое существо и всю жизнь в непосредственное выражение Истины.

Всю свою жизнь Шри Ауробиндо посвятил утверждению в нашем мире этого супраментального сознания, реализация которого должна привести к созданию на земле мира истины, гармонии и справедливости, предвещенного пророками всех времен и народов.

Шри Ауробиндо, Пондичери, 1950 г.

Часть вторая. Йога интегрального знания

Глава I. Объект Знания

Объектом любого духовного поиска является Знание, к которому человеческий ум обычно не обращается, – Знание кого-то или чего-то Вечного, Бесконечного и Абсолютного, отличного от знакомых нам преходящих сил и вещей, хотя этот кто-то или это что-то может пребывать в них или за ними или быть их творцом и началом. Духовный поиск нацелен на обретение состояния, позволяющего нам коснуться, проникнуть или же познать через отождествление это Вечное, Бесконечное и Абсолютное, на достижение сознания, отличного от нашего обычного сознания, занятого идеями, формами и предметами, на получение знания, превосходящего то, что мы обычно называем знанием, и являющегося чем-то самосущим, вечным и бесконечным. И хотя этот поиск может или даже обязательно должен начинаться – поскольку человек является ментальным существом – с использования наших обычных инструментов познания, он все же с такой же неизбежностью должен превзойти их и продолжиться, опираясь уже на сверхчувственные и супраментальные средства и способности, ибо предполагает обнаружение чего-то, что само по себе является сверхчувственным и супраментальным – недоступным уму и чувствам, хотя именно через них может прийти первый проблеск или отраженный образ этого.

Все традиционные йогические системы, как бы ни отличались они друг от друга в своих методах и подходах, исходят из постулата или представления о том, что Вечное и Абсолютное может быть лишь чистым трансцендентным бытием, запредельным космосу, или же небытием или, по крайней мере, пребывать в этом трансцендентном состоянии бытия или небытия. По их мнению, всё космическое существование или то, что мы называем существованием, относится к сфере неведения. Даже высочайшее индивидуальное совершенство, даже исполненное наивысшего блаженства космическое состояние – не более чем возвышенное состояние неведения. Всё, что относится к сфере индивидуального и космического, должно быть решительно отвергнуто искателем абсолютной Истины. Высшее, спокойное и неизменное «Я» или же абсолютное Ничто – это единственная Истина, единственный объект духовного знания. И это состояние знания, которого мы должны достичь, это новое сознание, отличное от нашего преходящего состояния бытия, – состояние Нирваны, угасания эго, прекращение всей ментальной, витальной и физической деятельности, любой активности вообще, состояние светлой и возвышенной умиротворенности, чистого блаженства безличного невыразимого и глубокого покоя. Средствами, с помощью которых можно достичь этого состояния, являются медитация и сосредоточение. Мы должны сосредоточиться исключительно на цели своего поиска и добиться, чтобы ум был полностью поглощен ею. Деятельность допустима лишь на первых этапах этого поиска, с тем чтобы очистить свое существо и морально и психологически подготовиться к принятию знания. Но даже эта деятельность должна либо ограничиваться ритуальными обрядами поклонения и строгим исполнением обязанностей, предписанных Шастрой, либо, как в буддизме, соответствовать восьмеричному пути и сводиться к возвышенному труду на благо других и заботе об их спасении, ведущим к полному забвению себя. В финале же любой подлинной и суровой Джняна-йоги все труды должны быть оставлены и замещены абсолютным покоем. Действие может лишь подготовить спасение, но не спасти. Любое продолжение действия несовместимо с высочайшим прогрессом и может стать непреодолимым препятствием в достижении духовных целей. Состояние высшего покоя прямо противоположно деятельности и недостижимо для тех, кто остается привержен работе. И даже преданность, любовь и поклонение

ние нужны лишь незрелым душам и в лучшем случае являются наиболее возвышенными средствами Неведения. Ибо, прибегая к ним, человек обращается к чему-то отличному от себя, более высокому и великому; но с точки зрения высшего знания такого не может быть, поскольку есть только одно «я» или нет никаких «я» вообще, за исключением некоего безличного существования, а значит, нет ни того, кто любит, поклоняется и обожает, ни того, кто является объектом этой любви, преданности и поклонения. Даже ум, осознав свою идентичность с изначальным бытием или небытием, должен прекратить свою активность и благодаря этому наполнить покоем всю природу. Должно остаться лишь абсолютное Неизменное, или вечное Ничто.

Джняна-йога в своем чистом виде практикуется с помощью интеллекта, несмотря на то что в конечном счете она превосходит как интеллект, так и все интеллектуальные процессы. Мыслитель в нас отделяет себя от всего, чем мы являемся в проявленном мире, отвергает эмоции, отстраняется от жизни и чувств, отделяет себя от тела, стремясь полностью отождествиться с тем, что превосходит его самого и все его возможности. Такой подход основывается на определенной истине, а также на опыте, который, на первый взгляд, оправдывает его. В Существовании имеется некая Первооснова, по природе своей являющаяся покоем и неподвижностью, некая глубочайшая Тишина, пребывающая по ту сторону становления и всех изменений проявленного мира, нечто неизменное, а потому превосходящее любую деятельность, по отношению к которой он в лучшем случае может быть лишь Свидетелем. И в иерархии наших психологических функций Ум, в каком-то смысле, стоит ближе всего к этой первооснове, к этому «Я», по крайней мере, к его аспекту осознающего все свидетеля, который наблюдает за всеми проявлениями активности, но способен полностью отделить себя от них. Сердце, воля и другие силы в нас в основе своей активны, обращены к действию и с его помощью реализуют себя – хотя они тоже могут спонтанно прийти в состояние определенной неподвижности, получив полное удовлетворение в результате своей активности или, наоборот, истощив свои силы вследствие постоянных разочарований и неудач. Ум – это тоже активная сила, но ему легче обрести покой, так как он может сознательно выбрать его и устремиться к нему. Ум более легко соглашается с возвышенной интеллектуальной концепцией безмолвного «Я»-Свидетеля, превосходящего любую нашу активность, и, однажды осознав этого неподвижного Духа, он готов успокоиться и тоже стать неподвижным, решив, что его миссия по обнаружению истины выполнена. Ибо, предаваясь наиболее характерной для себя активности, мышлению и рассуждению, он более склонен выступать в роли бесстрастного свидетеля, судьи и наблюдателя, чем активного участника и горящего энтузиазмом работника, и способен быстро достичь духовного или философского покоя и отрешенности. И поскольку человек является ментальным существом, ум служит ему в качестве пусть и не самого лучшего и высочайшего, но, по крайней мере, наиболее надежного, естественного и эффективного средства преодоления своего неведения. Вооруженный такими способностями, как понимание и размышление, сосредоточение, устойчивое созерцание, умение фиксировать внимание на определенном объекте, *śravaṇa*, *manana*, *nididhyāsa*, ум становится нашим самым главным и незаменимым помощником в реализации наших целей. И неудивительно, что он претендует на роль первопроходца и единственного доступного проводника или, по меньшей мере, знатока самых сокровенных врат, ведущих непосредственно в святилище.

На самом же деле интеллект только разведчик и исследователь; он может направлять, но не руководить или осуществлять. Руководителем путешествия, проводником, возглавляющим переход, первым и самым древним жрецом нашего жертвоприношения является Воля. Но эта Воля отлична от желаний сердца или требований и предпочтений ума – всего того, что мы обычно называем этим словом. Она является той сокровенной, доминирующей и часто скрытой сознательной силой нашего и любого другого существа – Тапасом, Шакти, Шрад-

дхой, – которая властно определяет направление нашего движения и использует в качестве своих механических или более или менее сознательных слуг и орудий интеллект и сердце. Безличное «Я», пребывающее в умиротворении и покое, непричастное ко всем событиям и явлениям, является опорой и поддержкой существования, безмолвным каналом или принципом какого-то высшего Начала, но, само по себе, оно не это Высшее, не это единственно реальное бытие. Этим Вечным и Высшим Началом является Господь и изначальный Дух. Превосходя все виды деятельности и не связанный никаким из них, он является источником, руководителем, поставщиком материала и необходимой энергии, владыкой любого действия. Вся динамическая активность берет начало в этом высшем «Я» и определяется им; всё является его операциями, действиями его сознательной силы и не может быть чуждым ему или независимым от него. За всей этой активностью стоит сознательная Воля, Шакти Духа, стремящаяся проявить его бытие бесконечным множеством способов. Это не невежественная Воля или Энергия, она обладает знанием собственной сути и всего того, что она стремится проявить в космосе. Индивидуальным же орудием этой Энергии является тайная духовная воля и вера души в нас – главная, хотя и скрытая сила нашей природы, имеющая более тесную связь со Всевышним и (если мы однажды сумеем установить с ней контакт и сохранить его) выступающая в роли более надежного проводника и просветителя, так как, в отличие от нашего интеллекта с его поверхностными мыслительными процессами, она находится глубже и несравненно ближе к Неизменному и Абсолютному. И если искатель смысла жизни или йогического совершенства познал эту волю в себе и во вселенной и движется к намеченным ею божественным целям, какими бы они ни были, то он, вне всякого сомнения, следует высочайшим путем, обладает истинным знанием и делает то, что нужно делать.

Поскольку ум не является наиболее высокой или сильной частью Природы, а тем более единственным или самым чутким индикатором Истины, то не следует разделять его чувство удовлетворенности, возникающее при обнаружении им чего-то безличного и абсолютного или считать это признаком обретения высочайшего Знания. Рассудок дан нам для того, чтобы как-то управлять эмоциями, жизнью и другими составляющими нашего существа, но он не может заменить их собой; ему следует учитывать не только свои собственные запросы, но и запросы остальных частей природы, смотреть, получили ли они столь же полное удовлетворение, как и он. Высокий путь, начертанный абстрактно мыслящим рассудком, мог бы быть оправдан только в том случае, если бы целью Высшей Воли во вселенной было лишь нисхождение на уровень неведения, где ум, руководствуясь ложными идеями и ощущениями, действует как слепое орудие и тюремный надзиратель, а затем восхождение в тишину знания, где ум, руководствуясь уже правильными идеями и суждениями, действует как сознательное орудие и спаситель. Но вполне можно предположить, что ее цель не столь абсурдна и бессмысленна, что вселенная куда-то движется и стремление к Абсолюту может быть не таким холодным и абстрактным, что истина мира более сложна и многогранна и что высоты Бесконечного намного более богаты и беспредельны. Абстрактная логика неизменно приходит, как многие древние философские системы, к некоему бесконечному и пустому Отрицанию или столь же пустому бесконечному Утверждению; ибо, будучи абстрактной, она склонна к абсолютному абстрагированию, а никаких более абсолютных абстракций, чем эти две, быть не может. И ключом к божественному сверхчеловеческому знанию, вероятнее всего, станет не абстрактная логика самоуверенного, но ограниченного и некомпетентного человеческого ума, а конкретная, постоянно углубляющаяся, расширяющаяся и возрастающая в результате все более и более полного постижения бесконечных духовных богатств мудрость. Сердце, воля, жизнь и даже тело – такие же формы божественного Сознательного Бытия, как и интеллект, и они заключают в себе великий смысл. У них тоже есть возможности, благодаря которым душа может пробудиться и полностью осознать свою божественность,

или средства, позволяющие ей наслаждаться этим осознанием. Целью Высшей Воли вполне может быть достижение некой вершины, когда все существо получит божественное удовлетворение, сияющие высоты озарят бездны, а материальное Бессознательное благодаря взаимодействию с высшим Сверхсознательным откроет свою Божественность.

Традиционный Путь Знания основан на отвержении: духовный искатель последовательно отвергает тело, жизнь, чувства, эмоции и в конце концов сам разум, чтобы погрузиться в неподвижное «Я» или высшее Ничто, или неопределимый Абсолют. Но путь интегрального знания предполагает достижение интегральной самореализации, и здесь отвергнуть нужно лишь нашу бессознательность, Неведение и последствия Неведения. Избавляясь от ложного отождествления с эго, мы позволяем проявиться в нас нашему истинному существу. Избавляясь от ложного взгляда на жизнь, как на механический цикл нашего телесного существования и процесс витального удовлетворения желаний и потребностей, мы позволяем проявиться нашей истинной жизни, исполненной энергии Божественного и радости Бесконечного. Избавляясь от ложности чувств с их подчиненностью материальной действительности и двойственности, мы открываем в себе более высокое и тонкое восприятие, благодаря которому становимся способны обнаружить присутствие Божественного в вещах и божественным образом откликаться на него. Избавляясь от фальши сердца с его неистовыми страстями и желаниями, симпатиями и антипатиями, мы позволяем проявиться в нас более глубокому сердцу, полному божественной любви ко всем созданиям, тоскующему по Бесконечному, стремящемуся к Нему и бесконечно жаждущему Его отклика. Избавляясь от фальши ума с его несовершенными ментальными конструкциями, его безапелляционными утверждениями и отрицаниями, его ограниченными и чисто абстрактными исканиями, мы позволяем раскрыться более великой способности к познанию, скрытой за ним, и постичь подлинную Истину Бога, души, Природы и вселенной. Интегральная самореализация – это кульминация, апофеоз эмоций, переживаемых сердцем, полное раскрытие его природной способности любить, радоваться, обожать и поклоняться; это кульминация, апофеоз ощущений, переживаемых чувствами, великое завершение их поиска божественной красоты, добра и восторга во внешних формах вещей; это апофеоз и кульминация жизни, ее трудов, стремления к божественной силе, мастерству и совершенству; это высочайший взлет мысли и преодоление ею своих собственных пределов, утоление ее жажды истины, света, божественной мудрости и знания. Интегральная самореализация – это не переход в некое иное состояние с отбрасыванием, в конце концов, всех этих элементов человеческой природы, а достижение высочайшего состояния, в котором они одновременно превосходят себя и обретают собственную абсолютность и безграничность, состояние высшей и невыразимо прекрасной гармонии.

В основе традиционного пути Знания, оправдывая его методику отхода от природы и отказа отождествляться с ее частями, лежит всепоглощающее духовное переживание. Все, кто в какой-то степени смогли выйти за пределы активного ума и проникнуть в безграничные внутренние просторы, со всей глубиной, интенсивностью и убедительностью испытывали это великое освобождающее переживание, осознали нечто внутри себя, пребывающее позади и вне вселенной и всех ее форм, интересов, целей, обстоятельств и событий, – нечто спокойное, невозмутимое, бесстрастное, безграничное, неподвижное и свободное, узрели нечто неопишное и неуловимое, пребывающее над ними, во что можно проникнуть, лишь отказавшись от собственной личности, ощутили присутствие вездесущего вечного Пуруши-свидетеля, почувствовали некую Бесконечность или Вневременность, взирающую на них с головокружительных высот, где полностью отрицается все существующее здесь, и являющуюся единственно Реальной. Это переживание можно считать наивысшей точкой, которой способен достичь одухотворенный ум, устремивший свой взор за пределы своего собственного бытия. Ни один человек, не испытывавший его, не может быть полностью свободен от

ума и его ограничений, но никто не обязан останавливаться на этом переживании. Каким бы великим оно ни было, оно лишь Уму позволяет со всей ошеломляющей очевидностью пережить то, что превосходит как его самого, так и всё, о чем он может помыслить. Это высочайшее негативное переживание, но если подняться еще выше, то мы сможем узреть весь ослепительный свет бесконечного Сознания, безграничного Знания и позитивного абсолютного Присутствия.

Объект духовного знания – это Высшее, Божественное, Бесконечное и Абсолютное. Это Высшее связано с нашим индивидуальным существованием и со вселенной и в то же время запредельно и для души, и для вселенной. Ни вселенная, ни индивидуум не являются тем, чем они кажутся на первый взгляд, ибо данные, предоставляемые нашим умом и чувствами, пока они не просветлены и не наделены более высокой супраментальной и сверхчувственной способностью познавать, остаются ложными данными, несовершенным видением, тусклым и искаженным образом. И все же нынешний внешний образ индивидуума и вселенной – это своеобразный символ того, чем они в действительности являются, символ, указывающий на некую реальность, пребывающую позади него. Истина обретается путем прояснения данных, предоставляемых нам умом и чувствами, и сначала это происходит благодаря работе более высокого разума, озаряющего и исправляющего, насколько это возможно, выводы невежественного чувственного ума и ограниченного физического рассудка; это способ, к которому прибегает любой исследователь и ученый. Но выше этого человеческого знания есть другое, есть Истина-Сознание, превосходящая наш интеллект и возносящая нас в истинный свет, преломленным лучом которого является все ментальное знание. Там абстрактные понятия чистого рассудка и конструкции ума исчезают или же превращаются в конкретное видение души и несомненную реальность духовного опыта. Обладая этим знанием, можно устремиться к абсолютному Вечному, потеряв из виду душу и вселенную, но также можно посмотреть на проявленный мир глазами этого Вечного. Тогда мы обнаруживаем, что неведение ума и чувств и вся кажущаяся тщета человеческой жизни – не просто результат бессмысленного прихода сюда сознательного существа, не нелепая и досадная ошибка. Все это предусматривалось как подготовительная площадка для самопроявления Души, низошедшей из Бесконечного, как материальная основа для ее саморазвертывания и обретения себя в условиях вселенной. Верно то, что сами по себе ум, чувства и жизнь и всё здесь существующее не имеют никакой реальной ценности, и придавать им какой-то самостоятельный смысл значит предаваться иллюзии, Майе; но с точки зрения Высшего они обладают высшим смыслом, а с точки зрения Абсолютного – абсолютным Потенциалом, и именно это, эта сопричастность высшей Истине и наделяет их нынешней относительной ценностью. Именно этот всеобъемлющий опыт лежит в основе глубочайшего интегрального и самого сокровенного знания себя и мира.

Применительно к нашей личности, Всевышний представляет собой наше подлинное и высочайшее «я» – то, чем мы изначально являемся в своей сути, и то, из чего мы низошли в нашу проявленную природу. Искатель духовного знания, стремящийся достичь этого истинного «Я» в себе, должен отвергнуть, как это предписывается на традиционном пути знания, все его обманчивые маски. Он должен обнаружить, что тело не является нашим «я», основой нашего существования; это просто некая осязаемая и доступная чувственному восприятию форма Бесконечного. Взгляд на Материю как на единственную основу мироздания, а на физический мозг, нервы, клетки и молекулы как на единственную истину всего нашего существования – мощный и ущербный базис материализма, – есть заблуждение, принятие частного за целое, темной основы или тени вещей за их сияющую сущность, приписывание абсолютному нулю функций Целого Числа. Материалист принимает творение за творящую Силу, средство выражения – за То, что выражает и выражается. Материя и наш физический мозг, нервы и тело – это поле и основа для деятельности витальной силы, призванной

соединить высшее «Я» с внешней формой его трудов и поддерживать их энергией, непосредственно исходящей от высшего «Я». Материальные процессы являются внешними знаками, посредством которых душа выражает свое восприятие определенных истин Бесконечного и делает их действенными в условиях Субстанции. Все это лишь язык, код, условные обозначения, система символов и само по себе не является глубочайшей истиной того, на что указывает.

Жизнь – энергия, витальность, играющая в мозге, нервах и теле – тоже не является нашим «Я»; это лишь одна из сил, но не единственная сила Бесконечного. Взгляд на силу жизни, управляющую Материей, как на основу, источник и подлинного творца всего мироздания – шаткий и неустойчивый базис витализма – тоже заблуждение, принятие частного за целое, прилива на ближайшем берегу – за весь океан и все его воды. Сторонник витализма берет некий мощный, но внешний аспект существования и объявляет его сутью и основой всего. Сила жизни – это пришедшее в движение сознание, которое само по себе превосходит ее. Это сознание, несмотря на свою деятельность и осязаемость, не воспринимается нашим интеллектом до тех пор, пока мы не достигаем более высоких уровней Ума, являющегося на данный момент вершиной нашей природы. Ум, на первый взгляд, кажется нам творением Жизни, но на самом деле он есть скрытая, хотя и не изначальная, причина Жизни, он стоит за ней и в какой-то степени раскрывает ее тайну; Ум берет свое начало не в Жизни, а в том, что дает ей начало и более тусклым выражением чего она сама является.

Но и Ум – наша ментальность, наше мышление, наша часть, способная к пониманию – тоже не является нашим «Я», *Тем*, началом и концом всего; это лишь отсвет, отброшенный Бесконечным. Взгляд на Ум, как на создателя форм и вещей, которые сами существуют только в Уме – хрупкий и непрочный базис идеализма, – тоже заблуждение, принятие частного за целое, тусклого преломленного луча света за ослепительно яркое солнце. Этот идеалистический взгляд тоже не может узреть первооснову вещей, не может даже коснуться ее, так как сосредоточен на одном из низших аспектов Природы. Ум – это сумрачный, неясный, внешний ореол сознательного существования, которое не только не ограничено ментальностью, но и превосходит ее. Следуя традиционным путем знания и переставая отождествлять себя с телом, жизнью и умом, мы приходим к постижению и осознанию некоего чистого сознательного существования, внутренне пробужденного, наслаждающегося собственным бытием, не зависящего от ума, жизни и тела. Достигая вершин этого позитивного переживания, мы понимаем, что это и есть Атман, высшее «Я», изначальная и подлинная природа нашего существования. Здесь наконец-то появляется нечто по самой своей сути истинное, но в стремлении как можно быстрее достичь этого мы исходим из предположения, что между мыслящим умом и Высочайшим ничего нет, *buddhe#paratastu sa#*, и, закрыв глаза в самадхи, пытаемся перенестись через все промежуточные планы, даже не взглянув на эти великие и сияющие царства Духа. Цели, возможно, мы достигаем, но лишь затем, чтобы уснуть в Бесконечном. Или же, если мы остаемся бодрствующими, то опустошившему себя Уму удастся осознать лишь внешние аспекты Высочайшего, но не Его сокровеннейшие глубины и высоты, *Parampara (parātpara)*. Ум способен воспринимать это «Я» лишь в призрачных образах ментализированной духовности и довольствоваться ментальным отражением Сат-Чит-Ананды. Нам не достичь высочайшей истины и интегрального знания себя за счет такого стремительного прыжка в Абсолютное – для этого нужно превзойти ум и терпеливо подниматься в Сознание-Истину, где Бесконечное может быть познано, прочувствовано, увидено, пережито во всей полноте своих неисчерпаемых богатств. Там мы обнаруживаем, что «Я», которым мы являемся, есть не только неподвижный, призрачный, пустой Атман, но и великий динамический индивидуальный, универсальный и трансцендентный Дух. Абстрактные обобщения ума не могут выразить это «Я», этот Дух; все вдохновенные

описания провидцев и мистиков не в состоянии в полной мере раскрыть его внутренний смысл и передать его великолепие.

Применительно ко вселенной Всевышний – это Брахман, единственная Реальность, являющаяся не только духовной, материальной и сознательной основой всех ее идей, сил и форм, но и тем, что порождает, поддерживает их и владеет ими, – космическим и супракосмическим Духом. Все конечные понятия – Сила и Материя, Имя и Форма, Пуруша и Пракрити, – к которым мы можем свести вселенную, еще не есть то, чем она по своей сути или по своей природе в действительности является. Как всё, что мы собой представляем, есть лишь игра и форма, ментальное, психическое, витальное и физическое выражение высшего «Я», независимого от ума, жизни и тела, так и вселенная есть игра и форма, космическое выражение души и природы высшего существования, независимого от материи и силы, идеи, имени и формы, а также от фундаментального различия между Пурушей и Пракрити. Наше высшее «Я» и высшее Существование, ставшее вселенной, являются одним духом, одним «я», одним существованием. Индивидуум по своей природе является одним из проявлений универсального Существа, а по духу, пребывающему в нем, – эманацией Трансцендентного. Ибо, познавая себя, он обнаруживает, что его подлинное «я» является не этой природной личностью, не этой сотворенной индивидуальностью, а, в его отношениях с другими существами и с Природой, универсальным существом, а в своем более высоком аспекте – частью или живым образом высшего трансцендентного Духа.

Это высшее Существование не зависит ни от индивидуума, ни от вселенной. Поэтому искатель духовного знания может превзойти или даже отбросить две эти силы Духа и прийти к постижению чего-то совершенно Трансцендентного, чего-то неопишуемого и ментально непознаваемого, Абсолюта в полном смысле этого слова. На традиционном пути знания индивидуальное и универсальное отбрасываются. Искомый Абсолют есть нечто неопределимое, неопишуемое, самодостаточное, ни то ни это, *neti neti*. И все же мы можем сказать о нем, что это Единый, что это Бесконечный, что это Несказанное Блаженство, Сознание, Существование. Хотя он и непознаваем для ума, мы можем, благодаря нашему индивидуальному существованию и именам и формам вселенной, достичь реализации высшего «Я», которое есть Брахман, а благодаря реализации этого «Я» прийти к определенному постижению этого запредельного Абсолюта, главным представителем которого на уровне нашего сознания является наше истинное «Я» (*svarūpa*). Человеческий ум, пытаясь сформулировать для себя мало-мальски понятную концепцию трансцендентного и самосущего Абсолюта, вынужден использовать такого рода приемы. Система отрицания необходима ему для того, чтобы избавиться от своих собственных определений и ограниченного опыта; ему приходится убегать в Бесконечное сквозь туман Неопределимого. Ум ведь живет за тюремными стенами ментальных конструкций и символов, необходимых ему в его работе, но не являющихся изначальной истиной ни Материи, ни Жизни, ни Ума, ни Духа. Но если мы однажды сможем пересечь границу сумерек Ума и подняться в обширные пространства супраментального Знания, необходимость в этих конструкциях и символах исчезнет. На уровне Сверхума человек получает совсем другой опыт познания высшего Бесконечного – позитивный, живой и непосредственный. Абсолют превосходит как личностное, так и безличное, и все же он одновременно является и Безличным, и верховной Личностью, и всеми личностями вообще. Абсолют выше различий между единством и множественностью, и все же он и Единый, и неисчислимо Множество во всех вселенных. Он превосходит все качественные ограничения, и все же он не ограничен бескачественной пустотой и включает в себя всю бесконечность качеств. Он есть индивидуальная душа и все души, и даже больше; он и бесформенный Брахман, и вселенная. Он – космический и супракосмический дух, Всевышний, верховное «Я», верховный Пуруша и верховная Шакти, Вечно Нерожденный, который постоянно рождается, Бесконечный, проявляющий себя в бесчис-

ленных конечных формах, многоликий Единый, сложный Элемент, многомерная Линейность, Глагол невыразимого Безмолвия, безличная вездесущая Личность, Тайна, прозреваемая его духом на уровне высочайшего сознания, но вовеки недоступная более низкому сознанию и скрытая от него своим ослепительным светом. Конечному уму все эти противоположные качества кажутся несовместимыми и противоречащими друг другу, но супраментальное Сознание-Истина неизменно видит и переживает их как нечто настолько единое и взаимодополняющее, что помыслить о них как о чем-то противоположном становится просто невозможным. Стены, воздвигнутые измеряющим и разделяющим Интеллектом, исчезают, и Истина в своей простоте и красоте проявляется и сводит всё к различным способам выражения своей гармонии, единства и света. Градации и различия остаются, но лишь как внешние величины или образы, которыми можно пользоваться, а не как темница для забывшего себя Духа.

Познание трансцендентного Абсолюта, а также его проявлений в универсальном и индивидуальном существовании является окончательным и вечным знанием. Наши умы могут по-разному обращаться с этим знанием, они могут создать на его основе конфликтующие философские системы, могут ограничить его, модифицировать, сильно преувеличить или преуменьшить какие-то его аспекты, прийти с его помощью к истине или заблуждению; однако, несмотря на все наши интеллектуальные подходы и несовершенные формулировки, окончательным фактом остается то, что если мы доведем каждую линию наших рассуждений и наш духовный опыт до их конца, то окажется, что их финалом является это знание. Ничего кроме этой вечной Реальности, этого «Я», этого Брахмана, этого Трансцендентного, пребывающего над всем и во всем, проявленного, но все же скрытого в индивидууме, проявленного, но завуалированного во вселенной, который не может быть объектом Йоги духовного знания.

Достижение вершины Йоги знания не обязательно означает прекращение существования в мире. Ибо Всевышний, с которым мы сливаемся, Абсолютное и Трансцендентное, в которое мы проникаем, всегда обладает полным и целостным сознанием, являющимся целью нашего поиска, и использует его для поддержания своей игры в проявленном мире. Также нам нет никакой нужды полагать, что наше физическое существование закончилось, поскольку его цель, благодаря обретению знания, достигнута, задача осуществлена и, следовательно, нам более нечего здесь делать. Ибо это первоначальное достижение с его чувством освобождения, глубочайшим безмолвием и покоем есть лишь вечная самореализация, осознание индивидуумом своей истинной сущности в глубинах своего сознательного существа; опираясь на этот фундамент, упроченный безмолвием и являющийся основой свободы и освобождения, ему еще предстоит продолжить бесконечный процесс самореализации Брахмана, процесс его динамического божественного проявления в индивидууме, а также (благодаря присутствию, примеру и деятельности такого индивидуума) в других и во вселенной в целом – приняться за ту работу, ради которой Великие остаются на земле. Наша динамическая самореализация не может быть осуществлена до тех пор, пока мы пребываем в эгоистическом сознании, в сумерках ума, в оковах неведения. Наше нынешнее ограниченное сознание может быть лишь полем подготовки, но никак не итогом и завершением; ибо вся его активность проникнута эгоизмом и искажена неведением и заблуждением. Подлинная и божественная самореализация Брахмана в проявленном мире возможна лишь в том случае, если мы опираемся на сознание Брахмана, а жизнь воспринимаем как свободные души, Дживанмукты.

Это и есть интегральное знание, ибо мы постигаем, что взгляд, освобожденный от шор неведения, повсюду и во всех состояниях видит одного только Единого, что для божественного восприятия всё есть неделимое и цельное Божественное. Это только ум, которому пока что удобнее иметь дело с конкретными объектами и стремиться к конкретным целям, пыта-

ется провести искусственную черту, жестко разделяющую и навеки противопоставляющую один аспект вечного единства другому. Жизнь освобожденного человека не менее, а более активна и плодотворна, чем жизнь связанной души и невежественного ума, ибо такой человек принимается за любые дела, *sarvakṣam*, обладая при этом подлинным знанием и более великой силой сознания. Более того, верша все эти труды, он не утрачивает ощущения высшего единства, не падает с высот высшего сознания и высочайшего знания. Ибо Всевышний, как бы ни был он сейчас скрыт от нас, присутствует здесь, в мире, и его присутствие в материальном мире не менее ощутимо, чем это может быть в самом глубоком и абсолютном состоянии растворения во Всевышнем, в самой запредельной Нирване.

Глава II. Обретение Знания

Таким образом, объектом йогического знания является высшее «Я», Божественное, Высшая Реальность, Все Сущее, Трансцендентное, то есть Единый во всех своих аспектах. Обычные объекты познания – внешние формы проявления жизни и материи, психологическая причина наших мыслей и действий, деятельность сил видимого мира – тоже могут стать частью этого знания, но лишь в том случае, если они рассматриваются как одно из проявлений Единого. Совершенно очевидно, что знание, которого стремится достичь йога, должно существенно отличаться от того, что люди обычно понимают под этим словом. Ибо обычно мы считаем знанием интеллектуальное понимание витальных, ментальных и физических явлений, а также законов, которые управляют ими. Такое знание основывается на нашем чувственном восприятии и на интеллектуальном осмыслении воспринятого, и его ищут отчасти для получения чисто интеллектуального удовлетворения, а отчасти для извлечения практической пользы и обретения больших возможностей, которые дает знание, в управлении нашими собственными жизнями и жизнями других, в использовании на благо человека тайных или явных сил Природы, в том, чтобы помогать или вредить, спасать и возвышать или угнетать и уничтожать наших собратьев. В действительности йога соизмерима со всей жизнью и может включать в себя все эти цели и намерения. Есть даже йога¹, которая может практиковаться как для потворства собственным прихотям, так и для победы над собой, как для причинения вреда другим, так и для их спасения. Но понятие «вся жизнь» включает в себя не только и не столько жизнь, которую ныне ведет человечество. Это, скорее, жизнь, устремленная к более высокому и по-настоящему сознательному существованию и рассматривающая его как свою подлинную цель, тому существованию, которым наше полусознательное человечество еще не овладело и которого способно достичь, лишь преодолев себя и совершив духовное восхождение. Именно это более великое сознание и более высокое существование следует считать главной целью йогической дисциплины.

Это более великое сознание, это более высокое существование не есть просветленная или озаренная ментальность, поддерживаемая более великой динамической энергией или же поддерживающая более чистые в моральном отношении жизнь и нравы. Это сознание и существование превосходят обычное человеческое сознание не количественно, а качественно и сущностно. Измениться должен не просто внешний вид или фасад нашего существования, а сама его основа и динамический принцип. Искатель йогического знания стремится проникнуть в то тайное сознание, превосходящее ум, которое, скрыто пребывая в основах мироздания, доступно здесь лишь оккультному видению. Ибо только это сознание может истинно познавать и, только обладая им, мы можем постичь Бога и по-настоящему познать мир, его природу и тайные силы. Весь этот мир, все, что мы видим и ощущаем в нем, а также то, что мы увидеть не можем, есть лишь внешнее выражение чего-то недоступного уму и чувствам. Знание, которое органы чувств и интеллект, интерпретирующий их данные, могут предоставить нам, не является подлинным знанием – мы познаём лишь внешнюю сторону реальности. Но даже внешние объекты и феномены не могут быть должным образом познаны, если мы прежде не познаем истинную Реальность, образами которой они являются. Эта Реальность является их «я», их сущностью, а есть только одно «я», присущее всему; когда оно познано, все остальные вещи и явления тоже могут быть познаны в самой своей сути, а не только, как сейчас, на самом внешнем, феноменальном уровне.

---

¹ Йога развивает силу, даже если мы этого не хотим и сознательно не ставим перед собой такой цели; а сила это всегда обоюдоострое оружие, которое может использоваться и для того, чтобы навредить или убить, и для того, чтобы спасти и помочь. Необходимо также заметить, что не всякое разрушение является злом. – *Прим. Шри Ауробиндо.*

Очевидно, что, сколько бы мы ни изучали явления видимого мира, мы не сможем познать высшее «Я», или самих себя, или то, что мы называем Богом. Телескоп, микроскоп, скальпель, реторта, перегонный куб не позволят нам выйти за пределы физической реальности, хотя нам может быть и удастся с их помощью проникать во все более и более глубокие слои этой реальности и познавать ее тайны. Если мы ограничимся данными наших органов чувств и физических приборов, служащих им подспорьем, и с самого начала откажемся признавать существование какой-то иной реальности, помимо грубо материальной, и иных средств познания, помимо физических, нам придется прийти к заключению, что реальна только материя и что нет ни нашего, ни вселенского высшего «Я», ни Бога внутри или вовне, ни даже нас самих, за исключением этого агрегата, состоящего из мозга, нервов и тела. Но к такому выводу мы придем лишь потому, что с самого начала согласились с этим исходным тезисом и ограничили себя его рамками.

Если же некое «Я», некая Реальность, недоступная органам чувств, все-таки существует, то, чтобы обнаружить и постичь ее, нужны средства, неизвестные физической науке. Интеллект к этим средствам тоже не относится. Вне всякого сомнения, существует немало супрафизических истин, к постижению которых интеллект способен прийти путем размышлений и умозаключений, а затем придать им форму интеллектуальных концепций. Сама идея Силы, к примеру, на которой так настаивает наука, является концепцией, истиной, к которой интеллект мог прийти, только абстрагировавшись от полученных им данных; ибо мы можем видеть и ощущать лишь результаты деятельности этой универсальной силы, но не ее саму, и именно исходя из этих результатов мы приходим к выводу, что такая сила существует. Точно так же интеллект, следуя путем строгого анализа, может прийти к пониманию и интеллектуальному убеждению, что высшее «Я» существует, и это убеждение может стать очень реальным, очень светлым, очень мощным началом в постижении чего-то иного и более великого. Впрочем, сам по себе интеллектуальный анализ приводит лишь к упорядочиванию четких и ясных понятий, возможно, даже к правильному упорядочиванию верных понятий; но все равно это не то знание, к которому стремится йога. Ибо само по себе интеллектуальное знание не обладает силой. Человек может постичь все его тонкости, но при этом ничуть не измениться, разве что пережить некое более возвышенное интеллектуальное озарение. Преображения существа, которое ставит своей целью йога, может вообще не произойти.

Да, действительно, обдумывание и правильное различение являются важной частью Йоги знания; но они нужны, скорее, для устранения с пути препятствий, а не для постижения той абсолютной реальности, которая находится в конце этого пути. Наши обычные интеллектуальные представления – это камень преткновения на пути знания; ибо они порождены ошибочными данными органов чувств и основываются на идее, что материя и тело – это реальность, что жизнь и сила – это реальность, что страсть и эмоция, мысль и чувство – это реальность; в результате мы отождествляем себя со всем этим и, в силу этого отождествления, не можем вернуться к своему подлинному «я». Поэтому искателю знания необходимо убрать этот камень со своего пути и обрести верные представления о себе и о мире; ибо как нам прийти к познанию подлинного «я», если мы не только не имеем представления о том, что это такое, но и отягощены идеями, прямо противоречащими истине? По этой причине правильное мышление на этом пути является необходимым предварительным условием и, как только ум приучен к правильному мышлению, свободному от заблуждений органов чувств, прошлых ассоциаций и интеллектуальных предпочтений, его понимание становится очищенным и не чинит серьезных препятствий дальнейшему процессу познания. Впрочем, правильное мышление приносит реальные плоды только в том случае, если очищенное понимание дополняется другими познавательными операциями – видением, переживанием и реализацией.

Что же это за операции? Это не просто психологические приемы, вроде самоанализа и самонаблюдения. Хотя такой анализ и такое наблюдение, как и правильное мышление, чрезвычайно важны и реально необходимы. Более того, они могут, при умелом использовании, придать правильному мышлению невероятную силу и эффективность. Они, подобно интеллектуальному различению, основанному на тщательном обдумывании, обладают очищающим эффектом и ведут к известного рода самопознанию, к избавлению от душевных и эмоциональных расстройств и даже от нарушений понимания. Любой вид самопознания это прямая дорога к познанию подлинного «Я». В Упанишаде говорится, что Самосущий распахнул створки души наружу, и взоры большинства людей обращены вовне, на внешние формы; и только редкая душа, способная, благодаря своей зрелости, к спокойному размышлению и непрерывному стяжанию мудрости, обращает свой взор вовнутрь, видит «Я» и обретает бессмертие. И такие психологические приемы, как самонаблюдение и самоанализ, часто предваряют и готовят это обращение взора вовнутрь. Узреть свою собственную внутреннюю природу нам легче, нежели внутреннюю природу вещей, во-первых, потому, что нам сразу же бросается в глаза и сбивает с толку их внешняя форма, а во-вторых, потому, что у нас нет предшествующего опыта познания этой внутренней природы, отличной от их физического облика. Очищенный и успокоенный ум может уловить отражение Бога в мире, а напряженное сосредоточение может помочь обнаружить Бога в мире и «Я» в Природе еще до реализации этого в нас самих, но такие случаи редки и труднодостижимы.² Только в самих себе мы можем наблюдать и постигать процесс становления «Я» в природе и проследить этапы его возвращения в самосущее бытие. Поэтому древний призыв «Познай самого себя» всегда будет первым напутствием на пути к подлинному знанию. Хотя, если говорить о психологическом самопознании, то это еще не реализация «Я» в его изначальном духовном бытии, а лишь постижение его качеств.

Таким образом, знание, к которому мы должны прийти с помощью йоги, это не просто интеллектуальное постижение истины или умение отличать ее от лжи; не является оно также и ясным психологическим пониманием того, как действуют в нашем существе гуны. Мы должны достичь «реализации», в полном смысле этого слова; сделать высшее «Я», трансцендентное и универсальное Божественное внутренне и внешне реальными для себя; более того, только в свете этого «Я» мы сможем увидеть, как реально действуют гуны, и понять, что за их игрой стоит процесс становления этого «Я» в психических и физических условиях нашего земного существования. Эта реализация включает в себя три последовательные стадии – внутреннее видение, тотальное внутреннее переживание и отождествление.

Внутреннее видение, *dṛṣṭi*, способность, столь высоко ценимая древними провидцами и превращающая человека из простого мыслителя в Риши или Кави, есть результат открытия в душе своего рода ока, благодаря которому невидимые вещи и явления становятся для нее – для души, а не только для интеллекта – столь же реальными и несомненными, сколь реальны для физического зрения видимые предметы. В физическом мире существует две разновидности знания, прямое и опосредованное: *pratyakṣa* (*pratyakṣa*) есть знание того, что доступно глазу, *parokṣa* (*parokṣa*) – того, что скрыто от нашего зрения и недоступно ему. Когда мы не можем увидеть объект, мы вынуждены составлять о нем представление, прибегая к рассуждению, воображению, аналогии, слушая рассказы тех, кто его видел, или изучая его фотографические или иные изображения, если таковые имеются. Собрав и обобщив все эти данные, мы действительно можем составить более или менее ясное представление об искомом предмете или понять, как он выглядит, но мы не узнаем, что он в действи-

² Впрочем, в каком-то смысле это легче, поскольку при познании внешних вещей нам не так мешает чувство эго, как при познании самих себя; таким образом, одним препятствием, мешающим реализации Бога, становится меньше. – Прим. Шри Ауробиндо.

тельности из себя представляет – он для нас пока еще не является осязаемой реальностью, а лишь неким умозрительным образом этой реальности. Но как только мы увидим его собственными глазами – прибегнув к помощи наиболее достоверного органа восприятия, – мы реально узнаем, мы «реализуем», что он такое; увиденное станет элементом нашего знания, все сомнения исчезнут и мы почувствуем удовлетворение. То же самое правило применимо и к познанию психических явлений и высшего «Я». Философы и наставники могут очень подробно и вдохновенно рассказывать нам об этом «Я», или же мы можем узнать о нем из древних писаний; путем обдумывания, размышления, воображения, проведения аналогий или используя другие доступные средства мы можем попытаться создать его ментальный образ или концепцию; мы можем, с помощью всепоглощающего и целенаправленного сосредоточения, удерживать эту концепцию в своем уме;³ но мы все еще реально не познали это «Я», не узрели Бога. Только когда после долгой и упорной концентрации или применения других методов покров ума разрывается или отбрасывается, только когда потоки света заливают пробужденное ментальное сознание, *jyotirmaya brahman*, и интеллектуальная концепция уступает место непосредственному знанию-видению, позволяющему воспринять «Я» столь же реально, ясно и конкретно, как мы воспринимаем обычный физический предмет, мы становимся обладателями знания; ибо мы увидели. После этого откровения озаривший нас свет может на время скрыться и душу могут омрачать долгие периоды тьмы, но она уже не сможет полностью и безвозвратно утратить то, что однажды обрела. Этот опыт неизбежно возвращается, становится все более и более частым и наконец постоянным; когда и как скоро мы сможем испытать это переживание, зависит от преданности и настойчивости, с которыми мы следуем по пути, а также воли или любви, с которыми мы осаждаем крепость, в которой пребывает скрытое Божество.

Это внутреннее видение является одной из форм психологического переживания; однако внутреннее переживание не ограничивается подобным видением; благодаря видению мы лишь созерцаем, но не можем объять. Как глаз, пусть и являясь единственным органом восприятия, способным дать первое верное представление о предмете, вынужден прибегать к помощи осязания и других органов чувств, чтобы сделать постижение всеобъемлющим, так и видение «Я» должно быть дополнено непосредственным постижением его всеми частями нашей природы. Подобно тому как зрение, хотя и является единственным органом восприятия, способным дать первое верное представление о предмете, вынуждено прибегать к помощи осязания и других органов чувств, чтобы получить полное знание о предмете, так и видение «Я» должно быть дополнено опытом познания его всеми частями нашей природы. Все наше существо, а не только наше светлое око знания, должно узреть и почувствовать Бога. Ибо, поскольку каждый принцип в нас есть лишь проявление «Я», каждый может вернуться к своей изначальной реальности и пережить ее. Мы можем иметь ментальное переживание «Я» и познать, как конкретную реальность, все те, на первый взгляд, абстрактные понятия, которые, по мнению ума, и составляют существование – сознание, силу, блаженство и их многочисленные формы и проявления: такое познание Бога приносит удовлетворение уму. Мы можем эмоционально пережить «Я», благодаря Любви и сердечному восторгу – любви и восторгу «Я» в нас, «Я» во вселенной и «Я» во всех, с кем мы связаны: такое познание Бога приносит удовлетворение сердцу. Мы можем эстетически пережить «Я», созерцая красоту, наслаждаясь всепрекрасным и ощущая его абсолютную реальность во всех вещах, созданных нами или Природой и имеющих эстетическую привлекательность для ума и чувств: такое познание Бога приносит удовлетворение чувствам. Мы можем иметь даже витальное, нервное переживание «Я», почти физически ощущая его

³ В принципе это и есть описание трех этапов традиционной Джняна-йоги – *śravaṇa*, *manana*, *nididhyāsana* – слышания, обдумывания или размышления и устойчивого сосредоточения. – Прим. Шри Ауробиндо.

во всей жизни и творении, во всех силах, могуществах, энергиях, действующих через нас, других или во вселенной: такое познание Бога приносит удовлетворение витальному существу и телу.

Все эти знания и опыты являются первичными средствами, позволяющими достичь состояния отождествления и постоянно находиться в нем. То, что мы видим и переживаем, является нашим «я», и если финалом этого не становится отождествление, если мы не способны проникнуться высшим ведантическим знанием, выраженным формулой «Он есть я», и наполнить им все наше существо, видение и переживание остаются незавершенными. Мы должны не только увидеть Бога и заключить Его в свои объятия, но также и стать этой Реальностью. Мы должны стать едиными с этим «Я» на его трансцендентном, превосходящем все формы и проявления уровне, растворив и сублимировав эго и все его формации и вырвавшись в То, что является их источником, а также стать этим «Я» во всех его проявленных формах существования и становления – иными словами, объединиться с ним на уровне бесконечного существования, сознания, покоя и блаженства, через которые оно проявляется в нас, а также на уровне его деятельности, его творчества и всей этой игры представления себя в разных формах и масках, с помощью которой оно скрывает себя в мире.

Современному уму трудно себе представить, что может быть нечто большее, нежели просто интеллектуальное познание «Я» или Бога; и чтобы хоть немного понять, что это за видение, переживание и отождествление, он может обратиться к поэзии Вордсворта, осознавшего свое внутреннее тождество с Природой и выразившего его в живых и доступных европейскому воображению образах. Читая стихи, в которых этот великий английский поэт пишет о своем единстве с Природой, мы можем получить отдаленное представление о том, что такое реализация. Ибо нам становится ясно, что, во-первых, он увидел в мире то, что является самой Сутью всего сущего и содержит в себе все сущее, ощутил некую сознательную силу и присутствие, которые, будучи отличны от всего, все же являлись истоком всего и проявляли себя во всем. Мы понимаем, что это было не только видение и приносимые им радость, умиротворение и универсальность, но и глубокое ментальное, эстетическое, витальное и физическое чувство; Вордсворт видел и ощущал эту силу и присутствие не только в своем собственном существе, но и в ближайшем цветке, в самом простом человеке, в неподвижном камне; и, наконец, нам открывается, что временами он даже достигал того единства, того отождествления с объектом своей медитации, о котором он с большой силой и глубиной говорил в стихотворении «Окутан дремой дух мой был...» В нем он описывает свое отождествление с землей, «свершающей дневной свой оборот, неся деревья, скалы и камень». Если довести эту реализацию до отождествления с чем-то более глубоким, нежели физическая Природа, с некой Первоосновой вещей, то мы будем иметь азы йогического знания. Но весь этот опыт лишь прелюдия к сверхчувственной, супраментальной реализации Трансцендентного, превосходящего все Свои аспекты. Самое высокое знание может быть достигнуто только тогда, когда человек достигнет сверхсознательного уровня и все остальные его переживания растворятся в состоянии высочайшего единения с Невыразимым. Таков апофеоз всего божественного знания, а также источник всего божественного восторга и божественной жизни.

Таким образом, это высочайшее состояние бытия и есть цель пути знания, а на самом деле и всех остальных путей, если идти по ним до самого конца. И по отношению к этому состоянию интеллектуальное различие и понимание, любое сосредоточение и психологическое самоисследование, все поиски сердца через любовь, поиски чувств через красоту, поиски воли через силу и труды, поиски души через покой и радость могут быть лишь ключами и подходами, первыми приближениями и шагами, без которых мы не можем обойтись, штурмом предгорий и началом восхождения, которое должно продолжаться до тех пор, пока

мы не достигнем широчайших и безграничных уровней, а божественные врата не распахнутся в бесконечный Свет.

Глава III. Очищенное Понимание

Характер состояния, которое мы стремимся обрести, следуя по пути знания, определяет средства познания, которыми мы будем пользоваться. В общем и целом это состояние можно рассматривать как некую супраментальную реализацию, которая готовится ментальными представителями, прибегающими к различным ментальным принципам в нас, и которая, будучи однажды достигнута, начинает все более и более четко отражаться во всех частях нашего существа. Происходит пересмотр, а вследствие этого и преобразование всего нашего существования в свете Божественного, Единого и Вечного, совершенно не зависящего от внешней видимости вещей и фактов нашего феноменального бытия.

Такой переход от человеческого состояния к божественному, от разделенности и дисгармонии – к Единству, от феноменального бытия – к вечной Истине, такое перерождение или новое рождение души должно включать в себя две стадии: подготовительную, на которой душа и ее инструменты должны стать пригодными для этого изменения, и стадию состояний истинного озарения и духовной реализации, испытываемых подготовленной душой через свои достигшие необходимых способностей инструменты. На самом деле, нет четкой временной границы, отделяющей окончание первой стадии от начала второй, они, скорее, взаимно дополняют и плавно переходят друг в друга. Ибо, по мере своей готовности, душа воспринимает все больше и больше света и достигает все более и более высоких, более и более совершенных реализаций, а по мере роста ее просветленности и масштабов реализаций повышается ее готовность, а ее инструменты становятся все более и более пригодными к выполнению поставленных перед ними задач. Существуют темные периоды, в которые происходит скрытая подготовка души, и светлые периоды, в которые душа растет, а также кульминационные моменты, в которые душу на какое-то время заливают потоки света. Эти моменты, пусть и краткие как вспышки молнии, изменяют все духовное будущее человека, более того, они постепенно удлиняются, позволяя ему жить в непрерывном свете или сиянии Солнца Истины в течение многих часов, дней, недель и даже месяцев. И через все эти этапы душа, однажды обратившаяся к Богу, восходит к постоянству и совершенству своего нового рождения и подлинного существования.

На подготовительной стадии нам первым делом нужно очистить все части нашего существа; на пути знания особенно важно обладать очищенным пониманием, которое станет ключом, отпирающим врата Истины; но едва ли можно обладать очищенным пониманием, не очистив все остальные части существа. Неочищенное сердце, неочищенные чувства, неочищенная жизнь искажают понимание, не позволяют уму получать верные данные и делать верные выводы, затемняют восприятие, приводят к неверному использованию знания; неочищенная же физическая система затрудняет активность ума и препятствует обретению ясности сознания. Очищение должно быть интегральным и охватывать все части существа. К тому же в этом процессе все взаимосвязано, ибо очищение одной части существа способствует очищению другой; постепенное успокоение сердца, например, помогает очищению понимания, а благодаря очищенному пониманию беспокойная и омраченная активность все еще неочищенных эмоций просветляется и успокаивается. Можно даже сказать, что хотя каждая часть нашего существа имеет свои принципы очищения, именно очищенное понимание в человеке является наиболее действенной силой, просветляющей его сумрачное и хаотичное бытие и наиболее способной установить правильное функционирование в других частях. По словам Гиты, ничто по своей чистоте не может сравниться со знанием; как свет знания есть источник всей чистоты и гармонии, так тьма неведения есть причина всех наших ошибок и заблуждений. Любовь, например, очищает сердце, и, превратив все наши эмоции в выражение божественной любви, она делает сердце полным и совершенным;

и все же сама любовь нуждается в очищении божественным знанием. Сердечная любовь к Богу может быть слепой, ограниченной и невежественной, ведущей к фанатизму и обскурантизму; она может, даже будучи чистой в других отношениях, ограничить наше совершенство желанием видеть Бога лишь в определенной личности и отказом от подлинного и бесконечного видения. Любовь человеческого сердца также может вести к искажению и неадекватности чувств, действий и знания, и для предотвращения и исправления всех этих отклонений тоже необходимо очищенное понимание.

Впрочем, следует ясно и подробно объяснить, что подразумевается под пониманием и его очищением. Мы используем это слово как наиболее близкий английский эквивалент санскритского философского термина *буддхи*; то есть мы исключаем из «понимания» деятельность чувственного ума, который лишь фиксирует внешние впечатления, не пытаясь понять, верны они или нет, истинны или ложны, поверхностны или фундаментальны. Мы также исключаем массу невразумительных идей, являющихся лишь интерпретацией этих впечатлений и тоже не подчиняющихся более высоким принципам суждения и различения. Не можем мы включить сюда и тот постоянно меняющийся свое направление поток привычных мыслей, заменяющий среднему не желающему мыслить человеку ментальное понимание и на деле являющийся лишь постоянным повторением привычных ассоциаций, желаний, предрассудков, предубеждений и усвоенных или унаследованных предпочтений. Даже если этот поток постоянно пополняется свежими идеями, приходящими из окружения человека и принимаемыми им без какого-либо критического рассмотрения или анализа, то это по сути ничего не меняет. Вне всякого сомнения, все это можно назвать своего рода «пониманием», которое было очень полезным в процессе превращения животного в человека; но это лишь ступень, следующая сразу за животным умом; так функционирует полуживотный ум, подчиненный привычке, желанию и чувствам и не способный к поиску ни научного, ни философского, ни духовного знания. Нам нужно подняться выше его; что же касается его очищения, то это можно осуществить лишь за счет полного опустошения или успокоения или превращения этого ума в инструмент истинного понимания.

Под «пониманием» мы подразумеваем подлинный рассудок человека, способный одновременно воспринимать, оценивать и различать, не подчиненный чувствам, желаниям или слепой силе привычки и работающий совершенно самостоятельно ради обретения могущества и знания. Конечно, рассудок современного человека даже в лучшем случае не может работать с подобной свободой и независимостью; пока что ему это не удастся, и не удастся потому, что в нем все еще имеются примеси низшей полуживотной деятельности – потому что он нечист, подвержен постоянным ограничивающим и сковывающим влияниям, увлекающим его вниз, и не может удержаться на свойственном ему уровне. Обретая чистоту, он выходит из круговорота этих низших движений, отстраняется от объекта, может бесстрастно созерцать его и, прибегая к сравнению, сопоставлению, аналогии, находить ему подлинное место в универсуме, а также, используя индуктивный, дедуктивный и логический методы при анализе данных, полученных благодаря верному наблюдению, и, удерживая все свои выводы в памяти и дополняя их сдержанным и правильно ориентированным воображением, рассматривать все в свете дисциплинированного и ясно мыслящего рассудка. Таково чистое интеллектуальное понимание, законом и характерной чертой которого являются бесстрастное наблюдение, размышление и суждение.

Однако термин *буддхи* также используется в другом, более глубоком смысле. Интеллектуальное понимание – прерогатива низшего *буддхи*; есть другой, более высокий *буддхи*, не рассуждающий, а видящий, не ищущий знания путем осмысления и понимания, а скорее, обладающий знанием, выходя за пределы понимания⁴, ему не надо его искать и дости-

⁴ Божественное Существо описывается как *адьякша* (*adhyakṣa*) – тот, кто, восседая над всем в небесном эфире, обо-

гать, опираясь на данные наблюдений, он уже владеет истиной и являет ее посредством мыслей-прозрений и мыслей-откровений. Обычно человеческий ум обретает это супраинтеллектуальное знание через неожиданные и несовершенные озарения, предваряемые его упорным поиском и напряженной работой мысли – в такие моменты интеллект, наэлектризованный постоянными разрядами, приходящими из-за покрова, и охваченный великим воодушевлением, в значительной мере открывается потокам интуитивного и вдохновенного знания. Ибо в человеке есть интуитивный ум, служащий приемником и каналом этих посланий с супраментальных уровней. Но интуиция и вдохновение действуют в нас непостоянно и к тому же являются несовершенными по самой своей природе; обычно они приходят в действие, откликаясь на напряженные усилия и жажду сердца или потребность интеллекта, а их послания, еще не достигнув сознательного ума, искажаются мышлением или стремлением, поднимающимися им навстречу, утрачивают свою чистоту и изменяются в угоду сердцу или интеллекту; а сразу после проникновения в сознательный ум они захватываются рассудком – и разбиваются или распадаются на отдельные фрагменты, чтобы соответствовать нашему несовершенному интеллектуальному знанию, или сердцем – и видоизменяются, чтобы не противоречить нашим бессознательным или полусознательным желаниям и предпочтениям, или даже они захватываются более низкими движениями и искажаются, служа жажде и неистовству наших страстей.

Если эти части нашей природы не мешают работе более высокого буддхи, он может явить чистые образы истины; тогда видение, не подверженное рабской зависимости от данных чувственного ума и чувств, будет преобладать над наблюдением или же полностью заменит его: на смену воображению придет безошибочное истинное вдохновение, размышлению – спонтанное распознавание внутренних связей, заключению, делаемому на основании рассуждений, – интуиция, охватывающая все эти связи и не нуждающаяся в их кропотливом осмыслении, оценку и суждение заменит ментальное видение, позволяющее лицезреть истину без маски, которую та пока еще носит и сквозь которую рассуждающему интеллекту все еще приходится проникать; параллельно с этим память обретет новые качества и тот более великий смысл, который придавали ей греческие философы, перестав быть скудным набором сведений, извлекаемых из хранилища информации, накопленной человеком за его нынешнюю жизнь; она, скорее, превратится в сокровищницу знания, тайно хранящую в себе и постоянно предоставляющую нам всю ту информацию, получение которой в настоящее время нам кажется очень трудным, но которую мы, на самом деле, помним. Эта сокровищница будет содержать в себе знание не только прошлого, но и будущего.⁵ Несомненно, нашим предназначением является развивать в себе способность к восприятию истинного супраинтеллектуального знания, но пока что ничем не ограниченное и сознательное использование этой более высокой способности остается привилегией богов и нам недоступно.

Теперь нам ясно, что именно подразумевается под «пониманием» и под тем более высоким рассудком, который мы для удобства можем назвать «идеальным» и который настолько же превосходит развитый человеческий интеллект, насколько интеллект превосходит полу-животный ум. Также нам ясен характер очищения, без которого понимание не сможет правильно выполнять свою функцию, заключающуюся в получении истинного знания. Любая нечистота есть неверное функционирование, отступление от *дхармы* – правильных и истинных действий, присущих природе каждого, которые, благодаря своей правильности, чисты и помогают нам развиваться и совершенствоваться. Такое отступление обычно становится результатом невежественного смещения⁶ *дхарм*, когда какая-то функция усту-

зревает вещи и явления, наблюдая и управляя ими свыше. – Прим. Шри Ауробиндо.

⁵ В этом смысле пророческий дар верно называли воспоминанием будущего. – Прим. Шри Ауробиндо.

⁶ *sa#kara*

пает место требованию других наклонностей, не имеющих отношения к выполнению этой функции.

Понимание утрачивает чистоту, во-первых, потому что к функции мышления примешивается желание, которое само по себе является нечистотой Воли, вовлеченной в активность витальных и эмоциональных частей нашего существа. Когда к чистой Воле знать примешиваются витальные и эмоциональные желания, мышление начинает рабски подчиняться им и преследовать несвойственные ему цели, а восприятие ума затемняется и теряет ясность. Понимание должно выйти из-под осады желаний и эмоций и, чтобы быть совершенно недоступным для их влияния, добиться очищения самих витальных частей и эмоций. Витальному существу свойственно стремление к наслаждению, но выбор наслаждения и его поиск должен определяться и осуществляться более высокими частями; поэтому витальное существо должно учиться избавляться от желаний и предпочтений и равно принимать все – любой дар или наслаждение, – приходящее к нему в процессе правильно функционирующей и подчиненной божественной Воле жизни. Точно так же сердце должно быть освобождено от подчиненности желаниям витального и эмоционального существа и таким образом избавлено от главных элементов собственной нечистоты – ложных эмоций страха, гнева, вожделения и т. д. Стремление к любви свойственно сердцу, но и ему также следует отказаться от выбора и поиска любви, стать предельно умиротворенным и научиться любить глубоко и по-настоящему интенсивно – то есть это должна быть спокойная глубина и неизменная и уравновешенная сила, а не бурная и беспорядочная сила чувств. Чтобы надежно защитить понимание от заблуждения, неведения и извращения, прежде всего нужно успокоить эти части и подчинить их себе.⁷ Благодаря такому очищению нервное существо и сердце обретают абсолютное бесстрашие и не вмешиваются в процесс мышления; поэтому как на пути трудов, так и на пути знания бесстрашие остается первым и главным условием успешного продвижения вперед.

Вторая причина нечистоты понимания заключается в обманчивости чувств и вмешательстве чувственного ума в процесс мышления. Никакое знание не может быть истинным, если оно зависит от чувств, а не использует их только в качестве источников первичной информации, которая должна постоянно корректироваться и уточняться. Наука начинается с попытки постичь законы вселенской силы, лежащие в основе ее внешней деятельности, воспринимаемой нами посредством органов чувств; философия начинается с попытки постичь принципы вещей и явлений, которые неверно интерпретируются нашими чувствами; духовное знание начинается с отказа соглашаться с ограничениями жизни, основанной на чувствах и ощущениях, или принимать видимое и осязаемое за нечто большее, нежели внешний феномен высшей Реальности.

Чувственный ум аналогичным образом должен быть успокоен и научиться оставлять функцию мышления той части ума, которая способна рассуждать и понимать. Когда понимание в нас отстраняется от чувственного ума и отвергает его вмешательство, последний тоже отделяется от понимания и вся его деятельность становится отчетливо видна. Тогда нам становится ясно, что он представляет собой постоянно кружащийся и беспокойный глубинный поток привычных понятий, ассоциаций, представлений и желаний, абсолютно непоследовательных и не подчиненных никакому разумному порядку или принципу. По сути, это постоянное иррациональное и бесплодное повторение одного и того же. Обычно человеческое понимание приемлет этот глубинный поток и пытается частично упорядочить его; но, занимаясь этим, оно само становится подчиненным ему и делается столь же хаотичным, беспокойным и иррационально зависимым от привычек и слепого бесцельного повторения. В результате обычный человеческий рассудок превращается в ненадежный, ограниченный, а

⁷ *śata n dama*

то и вовсе бесполезный и ненужный инструмент. Нужно избавиться от этого непостоянного, беспокойного, неистового и порождающего постоянные волнения и тревогу фактора, либо отделившись от него и погрузив его в полное безмолвие, либо придав мышлению сосредоточенность и однонаправленность, благодаря которым оно автоматически отвергнет этот чуждый и сбивающий с толку элемент.

Третья причина нечистоты заключается в ущербности самого понимания и неправильной работе воли знать. Эта воля свойственна рассудку, но здесь тоже имеет место выбор и пристрастный поиск, искажающие и ограничивающие знание. Они ведут к предвзятости и предпочтению, вынуждающим интеллект придерживаться определенных идей и мнений, с большим или меньшим упорством игнорировать истину других идей и мнений, придерживаться одних аспектов истины и отказываться признавать другие, которые, тем не менее, необходимы для ее полноты, отдавать предпочтение определенным направлениям знания и отвергать любое знание, не соответствующее умственному складу, сформированному у мыслителя в прошлом. Решение этой проблемы заключается в абсолютной беспристрастности ума, в культивировании предельной интеллектуальной честности, в развитии ментальной объективности. Поскольку очищенное понимание не будет подчинено даже малейшему импульсу вожеления или желания, оно не будет подчинено и какому-либо предпочтению или неприятию определенной идеи или истины, более того, оно откажется придерживаться даже тех идей, в которых оно максимально уверено, или придавать им чрезмерную значимость, грозящую нарушить равновесие истины и умалить ценность других элементов целостного и совершенного знания.

Очищенное таким образом понимание становится в высшей степени гибким, чистым, безупречным инструментом интеллектуального познания и, будучи свободным от влияния низших искажающих и ограничивающих факторов, может постигать истины «Я» и вселенной с той полнотой и совершенством, на которые способен интеллект. Но для получения подлинного знания необходимо нечто большее, поскольку это знание, согласно нашему определению, супраинтеллектуально. Для того чтобы рассудочное мышление не мешало обретению подлинного знания, нам необходимо сделать еще один шаг вперед и развить способность, которую чрезвычайно трудно развить мыслящему интеллектуалу и которая противоречит всем его наклонностям, – мы должны научиться быть интеллектуально пассивными. Цель, которую мы перед собой ставим, имеет два аспекта, и по этой причине нам необходимо научиться двум различным формам пассивности.

Главное, что мы уже поняли, что интеллектуальное мышление само по себе не является средством познания и не относится к разряду высочайшего мышления; мысли высочайшего порядка приходят к нам через интуитивный ум с супраментальных уровней нашего сознания. Пока в нас доминируют обычные ментальные процессы и привычка все интеллектуально осмыслять, интуитивный ум может посылать нам свои послания лишь подсознательно, более того, еще не достигнув сознательного ума, они, как правило, будут подвергаться значительному или полному искажению. В случае же его сознательной работы механизм передачи будет включаться лишь изредка и работать крайне несовершенно. Чтобы усилить эту более высокую познавательную способность, нам необходимо отделить интуитивные элементы нашего мышления от интеллектуальных – точно так же, как мы перед этим отделили понимание от чувственного ума; но это задача не из легких, ибо помимо того, что наши интуитивные знания приходят к нам под покровом интеллектуальной активности, существует великое множество интеллектуальных процессов, маскирующихся под интуицию и пытающихся выдать себя за нее. Решение данной проблемы заключается, во-первых, в обучении интеллекта распознавать подлинную интуицию, отличать ее от ложной и постепенно приучаться к интуитивному восприятию истины. Приходя к интеллектуальному пониманию или заключению, он должен рассматривать его не как что-то истинное и окончатель-

ное, а скорее, смотреть вверх и соотносить любой свой вывод с божественным принципом, ожидая в максимально возможной для себя тишине прихода света свыше. Таким образом, можно превратить большую часть нашей интеллектуальной деятельности в светоносное и подлинное видение (а в идеале полностью перейти на него) или, по крайней мере, значительно увеличить частоту, чистоту и сознательную силу идеального познания, действующего позади ума. Последний должен учиться подчиняться и не препятствовать этой идеальной способности.

Но для познания высшего «Я» необходимо уметь приводить ум в состояние полной тишины, отбрасывать все мысли, не думать вообще – как это нам предписывает Гита. Это звучит шокирующе для западного ума, который превозносит мысль выше всего остального и склонен путать способность ума не думать с неумением мыслить. Но умение приводить ум в безмолвие не имеет ничего общего с интеллектуальной ограниченностью, это сила, а не слабость. В этой глубокой тишине содержится неиссякаемый источник знаний. Только когда ум полностью успокаивается и становится подобен прозрачной, неподвижной и спокойной глади воды, а душа превосходит мысль, когда все наше существо абсолютно чисто и спокойно, высшее «Я», находящееся над всеми процессами и всем становлением и являющееся их источником, Безмолвием, порождающим все слова, Абсолютом, частичным отражением которого является все относительные вещи и явления, может проявиться в прозрачных глубинах нашего существа. Только в абсолютной тишине мы начинаем слышать это Безмолвие, только в абсолютном покое это Бытие являет себя. Поэтому для нас имя Этому «Безмолвие и Покой».

Глава IV. Сосредоточение

Наряду с чистотой и как средство, помогающее ее обрести, необходимо сосредоточение. На самом деле чистота и сосредоточенность являются двумя аспектами – женским и мужским, пассивным и активным – одного состояния бытия; благодаря чистоте сосредоточение становится полным, по-настоящему эффективным и всемогущим; благодаря сосредоточению чистота производит свое действие, а при отсутствии сосредоточения может вести лишь к состоянию глубокой умиротворенности и вечного отдохновения. Их противоположности также тесно взаимосвязаны; ибо мы знаем, что нечистота есть смешение дхарм, хаотичное, несогласованное, запутанное действие различных частей существа; и причиной этого смешения является то, что воплощенная Душа неправильно сосредоточивает свое знание на своих энергиях. Наша природа ущербна, во-первых, потому, что она механически подчинена внешним влияниям,⁸ которые воспринимаются умом хаотично, без всякого разбора, порядка или контроля, а во-вторых, потому, что она не умеет правильно сосредоточиваться и управлять этим процессом, хаотично и во многом случайно обращая свой взор то на один, то на другой предмет в зависимости от того, насколько он интересует, но не более высокую душу или рассуждающий и различающий интеллект, а беспокойный, непоследовательный, переменчивый, легко подверженный утомлению и рассеиванию, более приземленный ум, являющийся главным врагом нашего прогресса. В таких условиях чистота, правильная работа природных инструментов, ясный, безупречный и озаренный порядок в существе становятся невозможны; разного рода процессы, зависящие исключительно от происходящего вокруг и внешних влияний, неизбежно должны сталкиваться и препятствовать друг другу, служить друг для друга искажающими, отклоняющими и рассеивающими факторами. Аналогичным образом, без чистоты невозможно достичь совершенного, гибкого и устойчивого сосредоточения всего существа на правильной мысли, правильной воле, правильном чувстве или же постоянно находиться в состоянии духовного переживания. Поэтому чистота и сосредоточенность должны идти рука об руку и помогать победам друг друга до тех пор, пока мы не достигнем того вечного покоя, благодаря которому в человеческом существе сможет отразиться некий смутный образ вечной, всемогущей и вездесущей деятельности.

Однако в Йоге знания, в том виде, как ее практикуют в Индии, слово «сосредоточение» употребляется в особом и более узком смысле. Оно подразумевает устранение из ума всех отвлекающих мыслей и концентрацию ума на идее Единого, благодаря которым душа поднимается над феноменальным миром и проникает в единую Реальность. Из-за того, что наш ум рассеян, мы погружены в феноменальное; благодаря сосредоточению и погружению ума в самого себя мы должны вернуться к реальному. Сосредоточение обладает тремя силами, позволяющими достичь этой цели. Концентрируя внимание на каком угодно предмете, мы можем познать его, заставить его раскрыть нам свои тайны; однако мы должны использовать эту силу для познания не окружающих нас вещей, а единственной Вещи-в-себе. Благодаря сосредоточению мы также можем собрать воедино всю свою волю и направить ее на обретение того, что мы еще не имеем, что еще недоступно нам; если у нас есть достаточная целеустремленность, достаточная искренность, уверенность в себе, если наша способность к сосредоточению достаточно развита, верна собственному предназначению, абсолютна в вере, мы можем с ее помощью овладеть чем угодно; но нам нужно использовать ее не для овладения теми многочисленными объектами, которые предлагает нам мир, а для духовного овладения тем единственным имеющим реальную ценность объектом, который также является единственным субъектом, достойным познания. И, наконец, благодаря

⁸ *bāhyasparśa*

сосредоточению всего нашего существа на каком-то определенном состоянии, мы можем стать такими, какими пожелаем; мы, например, можем стать образцом силы и смелости, даже если до этого были подвержены многочисленным слабостям и страхам, или мы можем стать воплощением великой чистоты, святости и покоя или же проявить в себе единую все-ленскую душу Любви; однако мы должны, как было предписано древними, использовать эту способность даже не для того, чтобы стать обладателем всех этих качеств (насколько бы это состояние ни превосходило то, чем мы являемся сейчас), а чтобы стать тем, что превосходит все сущее и свободно от всех действий и качеств, – то есть чистым и абсолютным Бытием. Всё остальное, все прочие объекты сосредоточения могут быть ценны лишь в качестве подготовки, начального обучения, первых шагов рассеянных и несобранных ума, воли и жизни к тому величественному и единственному объекту, который они избрали своей целью.

Использование сосредоточения в таком качестве, как и в любом другом, предполагает предварительное очищение, а также, в конце концов, отречение, прекращение всякой деятельности и, наконец, вхождение в абсолютное и трансцендентное состояние *самадхи*, из которого – если оно достигло своей вершины и продолжается непрерывно – нет возврата, за исключением, может быть, одной души на многие тысячи. Ибо благодаря самадхи мы достигаем того «высшего состояния Вечного, из которого души не могут вернуться» в циклическое движение Природы;⁹ и именно в это состояние самадхи йогин, нацеленный на уход из мира, стремится войти в момент своей смерти. Все эти этапы мы можем проследить в практике Раджа-йоги. Ибо сначала раджа-йогин должен достичь определенной нравственной и духовной чистоты; ему надлежит избавиться от низших или тянущих вниз форм активности своего ума; впоследствии, однако, он должен прекратить всякую ментальную активность и сосредоточиться на одной идее, перейдя таким образом из состояния активности в состояние покоя. В Раджа-йоге существует несколько ступеней сосредоточения: на первой объект сосредоточения осмысливается умом, на второй – ум остается устойчиво сконцентрированным на нем, на третьей – ум утрачивает себя в том, что этот объект символизирует, или в том состоянии, к которому ведет сосредоточение. Однако только последняя стадия называется в Раджа-йоге «самадхи», хотя этот термин, как, например, в Гите, может употребляться в гораздо более широком смысле. Но и в самой самадхи Раджа-йоги существует несколько различных ступеней или фаз: на первой ум, хотя и отстраненный от внешних объектов, все еще продолжает размышлять, созерцать и воспринимать то, что происходит в ментальном мире, на второй – он все еще способен создавать первичные мыслеформы, на третьей – все движения ума, даже внутри него самого, затихают, и душа, превосходя мысль, поднимается в тишину Непостижимого и Невыразимого. В любой йоге на самом деле существует немало предварительных объектов мысленного сосредоточения: образов, вербально сформулированных идей, исполненных смысла имен, – каждый из которых является средством¹⁰, помогающим уму в этом движении, и все они должны быть использованы и превзойдены; согласно Упанишатам, высочайшим объектом такого рода является мистический слог АУМ, три буквы которого символизируют Брахмана или высшее «Я» в его трех последовательных состояниях – Пробужденной Души, Грезящей Души и Спящей Души, а весь священный слог обозначает нечто запредельное, превосходящее любое состояние и любую активность.¹¹ Ибо именно Трансцендентное является окончательной целью любой Йоги знания.

Но целью интегральной Йоги, к которой мы стремимся, является нечто более многогранное и менее исключаящее, – высочайшее состояние души не должно быть столь узко позитивным, а ее божественное сияние – столь узко негативным. Мы, конечно же, должны

⁹ *yato naiva nivartante tad dhāma parama# mama*

¹⁰ *avalambana*

¹¹ Мандукья Упанишада.

быть устремлены к Высочайшему, к Источнику всего, к Трансцендентному, но при этом не отказываясь от того, что оно превосходит, и рассматривая Трансцендентное, скорее, как источник непрерывного опыта и высшего состояния души, которые преобразуют все прочие состояния и коренным образом изменяют наше видение мира, позволяя узреть его тайную Истину. Мы стремимся не к тому, чтобы полностью перестать осознавать вселенную, а к реализации Бога, Истины и «Я» как во вселенной, так и в том, что ее превосходит. Поэтому целью нашего поиска будет не только Невыразимое, но и Его проявление во вселенной как бесконечного бытия, сознания и блаженства, охватывающего и наполняющего ее. Ибо эта тройственная бесконечность является Его верховным проявлением, и мы будем стремиться познать ее, приобщиться к ней и стать ею; и поскольку мы хотим реализовать эту Троицу не только в ее изначальном виде, но и в ее космической игре, мы также будем стремиться к познанию и приобщению к универсальной божественной Истине, Знанию, Воле, Любви, которые есть Его вторичное проявление, Его божественное становление. С этим мы тоже будем стремиться отождествиться, к этому мы будем пытаться подняться, и по прошествии периода усилий и борьбы, отбросив весь свой эгоизм, мы позволим этому вобрать нас во всем нашем бытии, а затем низойти в нас и объять нас во всем нашем становлении. Это станет не только средством приближения и переходом к Его высшей трансцендентности, но и условием (даже когда мы овладеем Трансцендентным, а оно овладеет нами) божественной жизни в проявленном космосе.

Чтобы осуществить это, мы должны углубить и расширить смысл понятий «сосредоточение» и «самадхи». Любое наше сосредоточение на самом деле – лишь отражение божественного Тапаса, посредством которого «Я» пребывает сконцентрированным в себе, посредством которого оно осуществляет процесс проявления внутри себя, посредством которого оно поддерживает и управляет своим проявлением и посредством которого оно отстраняется от проявленных форм и возвращается в свое высшее единство. Когда Бытие сосредоточивает свое сознание на себе ради блаженства – это божественный Тапас; а когда Знание-Воля концентрирует силу своего сознания на себе и своих проявлениях – это суть божественного сосредоточения, Йога Господа Йоги. Учитывая существование различных форм самопроявления Божественного, в котором мы пребываем, сосредоточение является средством, позволяющим индивидуальной душе войти в то или иное состояние, ту или иную форму или то или иное психологическое самопроявление (*bhāva*) высшего «Я» и отождествиться с ним. Использование этого средства для отождествления с Божественным есть условие достижения божественного знания и принцип любой Йоги знания.

Такое сосредоточение основывается на Идее, а в качестве ключей используются мысль, имя и форма, открывающие сосредоточенному уму Истину, скрытую за любой мыслью, именем и формой; ибо именно благодаря Идее ментальное существо поднимается над любой формой к тому, что та выражает, к тому, инструментом чего является сама Идея. Концентрируясь на Идее, ментальное существо, которым мы на сегодняшний день являемся, ломает барьер своей ментальности и достигает того состояния сознания, состояния бытия, состояния силы сознательного существования и блаженства сознательного существования, которому соответствует Идея и символом, движением и ритмом которого она является. Таким образом, сосредоточение на Идее является лишь средством, ключом, отпирающим для нас сверхсознательные планы нашего существования; его цель и главная задача – придать всему нашему бытию достаточную собранность и поднять его в сверхсознательную истину, единство и бесконечность созерцающего себя и наслаждающегося собой бытия; именно такой смысл мы должны вкладывать в термин «самадхи». Это не просто состояние, в котором человек не осознает внешнего мира, не осознает даже своего внутреннего бытия, находясь в том, что превосходит и то и другое и является их истоком и началом либо за пределами даже их изначальному состоянию. Под «самадхи» следует понимать неизменное пребывание в

Едином и Бесконечном, предполагающее единство и отождествление с ним, и это состояние должно сохраняться и тогда, когда мы находимся в пробужденном состоянии и осознаем внешний мир, и когда мы погружены внутрь себя, заняты внутренней активностью и созерцаем игру принципов вещей, игру их имен и типовых форм, и когда мы возносимся очень высоко, пребывая в состоянии внутренней неподвижности, в котором приходим к исходным принципам самих себя и принципу всех принципов, истоку имени и формы.¹² Ибо душа, достигшая глубочайшего самадхи и устойчиво пребывающая в нем (*samādhista*), если трактовать его так же, как Гита, обладает тем, что лежит в основе любого опыта, и не может утратить этого, что бы она ни испытывала, даже то, что увлекает тех, кто еще не взошел на эти высоты. Она, бесконечно расширив рамки своего бытия, способна объять все, ничем не связывая, не ограничивая и не ослабляя себя.

После того, как мы, сосредоточив все наше существо и сознание, достигаем этого состояния, сосредоточение на Идее перестает быть необходимым. Ибо в этом супраментальном состоянии кардинально меняется все наше восприятие мира. Ум по природе своей несобран, рассеян, функционирует линейно; он не может в одно и то же время сосредоточиваться на разных вещах, а будучи не сосредоточенным, он начинает хаотично перескакивать с одного предмета на другой. Поэтому ему нужно сосредоточиваться на одной идее, на одном предмете размышления, на одном объекте созерцания, на одном объекте воли, чтобы познать его или овладеть им, и это он должен делать, по крайней мере, на какое-то время исключив из внимания остальные объекты. Но то, что выше ума и во что мы хотим подняться, превосходит непрерывный процесс мышления, превосходит разделение идей. Божественное сосредоточено в себе и, порождая идеи и действия, оно не утрачивает своей целостности и не связывает себя ими, а содержит их в своей бесконечности. Все Божественное, будучи нераздельным, находится позади каждой Идеи и каждого действия, и в то же время оно пребывает за всем их многообразием. Поддерживаемы им, они спонтанно реализуют себя, подчиняясь не своей собственной воле, а общей силе сознания, пребывающей за ними; и если нам кажется, что божественная Воля и Знание сосредоточиваются на каждой Идее и каждом движении, то это множественное и равное, а не особое и избирательное сосредоточение; на самом деле, это свободный и спонтанный процесс, протекающий в целостном единстве и бесконечности. Душа, поднимаясь к божественному самадхи, в зависимости от достигнутого ею уровня, приобщается к этому новому состоянию бытия, в котором восприятие мира противоположно ментальному и которое является истинным состоянием, так как истина противоположна нашей ментальности. Именно поэтому человек, как упоминается в древних книгах, постигший свое высшее «Я», спонтанно, без всякого ментального сосредоточения и усилия получает знание или результат, которыми Мысль или Воля в нем стремятся обладать.

Таким образом, целью нашего сосредоточения должно быть достижение этого божественного состояния и постоянное пребывание в нем. Первым шагом в практике сосредоточения всегда является подчинение контролю неугомонного и непоследовательного ума, который должен научиться неуклонно следовать в одном направлении мысли, последовательно и связно размышлять об одном предмете, не поддаваясь никаким отвлекающим или уводящим в сторону соблазнам и призывам. Такого рода сосредоточение достаточно широко распространено в нашей обыденной жизни, но мы сталкиваемся с намного большими трудностями, пытаясь практиковать его внутренне, не имея какого-либо внешнего объекта или действия, на котором ум мог бы сконцентрироваться; тем не менее, именно это внутреннее сосредоточение следует практиковать искателю знания.¹³ Но это сосредоточение не должно

¹² Бодрствующее, Сновидное и Спящее состояния души. — Прим. Шри Ауробиндо.

¹³ Речь идет о начальной стадии внутренних размышлений и вынесения суждений, *vitarka* и *vicāra*, когда человек стре-

быть просто последовательными рассуждениями интеллектуального мыслителя, единственная цель которого – осмыслить и интеллектуально связать между собой свои концепции. Нам понадобится не столько процесс рассуждения (разве что в самом начале), сколько максимально глубокое осмысление сути идеи, которое, благодаря настойчивости души, открывает нам все грани ее истины. Так, если объектом сосредоточения является божественная Любовь, ум должен сосредоточиться на сущности идеи «Бог есть Любовь», делая это таким образом, чтобы у садхака возникли ясные прозрения различных проявлений божественной Любви и он не только бы ментально понял, но и почувствовал, ощутил и увидел, что это такое. Понимание может прийти первым, а переживание последовать за ним, но в равной степени первым может прийти переживание, а знание – родиться из него. Затем на том, что было достигнуто, необходимо сосредоточить свое внимание и все дольше и дольше удерживать это в своем сознании, пока это не станет постоянным переживанием, а затем, наконец, дхармой или законом бытия.

Таков процесс сосредоточенного размышления, нацеленного на получение интеллектуального знания или психологического переживания субъекта; но есть и более эффективный метод, который заключается в сосредоточении всего ума исключительно на сущности идеи с намерением постичь саму суть того, что скрывается за ней. В ходе этого процесса мышление затихает и превращается во всепоглощающее или экстатическое созерцание объекта или, при слиянии с ним, становится внутренним самадхи. Если мы следуем этому процессу, то состояние, в которое мы поднимаемся, впоследствии должно быть низведено вниз, чтобы охватить низшее существование и наполнить своим светом, мощью и блаженством наше обычное сознание. Иначе мы будем обладать им, как многие, поднимаясь на более высокие планы или погружаясь во внутреннее самадхи, но утрачивая его после пробуждения или возвращения назад и осознания мира; такое сомнительное достижение, конечно же, не может быть целью интегральной Йоги.

Используя третий метод, нам не нужно вначале напряженно и сосредоточенно размышлять об одном объекте или же усиленно созерцать его мысленным взором. Сначала мы должны полностью успокоить ум. Это можно сделать различными способами; один заключается в том, что мы полностью отстраняемся от процесса мышления, не участвуем в нем, а просто наблюдаем за происходящим в уме, пока он, лишенный поддержки, не устанет от своих скачков и метаний и не затихнет сам собой, погружаясь во все более глубокий, а затем и абсолютный покой. Другой способ заключается в отвержении всех мысленных внушений, в отбрасывании их всякий раз, как только они приходят, и в настойчивом сохранении внутреннего покоя, который на самом деле всегда присутствует позади беспокойств и безудержной активности ума. Когда этот скрытый покой обнаружен, во всем существе устанавливается величайшее умиротворение и обычно вместе с этим мы начинаем отчетливо ощущать присутствие всепроникающего безмолвного Брахмана, на фоне которого все остальное поначалу кажется лишь пустыми формами и миражем. На фундаменте этого покоя мы можем построить всё остальное, опираясь уже не на обычное знание внешних феноменов, а на знание и непосредственное переживание более глубокой истины божественного проявления.

Обычно после достижения этого состояния необходимость в напряженном сосредоточении отпадает. Ему на смену приходит свободное сосредоточение воли,¹⁴ использующей мысль для побуждения к изменению и просветления низших частей. С этих пор эта Воля будет неуклонно действовать в направлении того, чтобы физическое существо, витальное существование, сердце и ум превратились в те формы Божественного, которые были явлены в тишине безмолвного Брахмана. Эти части будут вынуждены быстрее или медленнее (в

мится к исправлению ошибочных взглядов и постижению интеллектуальной истины. – Прим. Шри Ауробиндо.

¹⁴ Мы рассмотрим эту тему более подробно, когда перейдем к Йоге самосовершенствования. – Прим. Шри Ауробиндо.

зависимости от предшествующей подготовки), оказывая большее или меньшее сопротивление, подчиниться закону воли и ее ментальным внушениям. В результате этого знание Божественного охватит все наше сознание на всех его планах и образ Божественного проявится в нашем человеческом существовании, как проявляли его в себе когда-то древние ведические садхаки. Для интегральной Йоги этот метод подходит более всего, так как позволяет оказывать на природу непосредственное и мощное воздействие.

Глава V. Отречение

Если подчинение контролю всех частей нашего существа посредством очищения и сосредоточения можно назвать правой рукой тела йоги, то отречение – его левая рука. Благодаря дисциплине или позитивным методам мы утверждаем в себе истину вещей, истину существования, истину знания, истину любви, истину трудов и заменяем ею ложь, заповолившую и исказившую нашу природу; с помощью отречения мы избавляемся от лжи во всех ее проявлениях, вырываем ее с корнем и отбрасываем, чтобы она своим упорным сопротивлением и постоянным возвращением не препятствовала счастливому и гармоничному расцвету нашей божественной жизни. Отречение – это необходимый инструмент на нашем пути к совершенству.

Как далеко должно идти это отречение? каким будет его характер? как мы будем применять его? Существует древняя традиция, издавна одобряемая великими религиозными учениями и людьми, обладающими глубоким духовным опытом, согласно которой отречение должно быть не только средством, дисциплинирующим всю нашу природу, но и окончательной целью, что оно фактически должно сводиться к отказу от самой жизни и мирского существования. Возникновению и формированию этой чистой, возвышенной и величественной традиции способствовали многие причины. Первая и наиболее фундаментальная заключается в жестком противопоставлении несовершенной и порочной мирской жизни, каковой она является на нынешней стадии человеческой эволюции, и духовного бытия; это противопоставление привело к полному отвержению мирского существования, как лжи, как безумия души, как тревожного и мрачного сна или, в лучшем случае, как сомнительного, обманчивого и скорее бесполезного дара, или же на него стали смотреть как на царство кесаря, дьявола и плоти, а потому лишь как на место подготовки и испытаний для души, ведомой и влекомой Божественным, или, в лучшем случае, как на игру Всесущего, игру, не имеющую конкретной цели, от которой Он в конце концов устает и отворачивается. Вторая причина заключается в стремлении души к личному спасению, желании убежать в некие далекие или запредельные миры безмятежного покоя и блаженства, не тревожимые трудами и борьбой этого мира, или же в ее нежелании вернуться из восторженных божественных объятий к работе и служению здесь на земле. Однако существуют и другие, менее серьезные причины, неразрывно связанные с духовным опытом, – здесь и ясное понимание и практическое подтверждение того, как невероятно трудно (и мы готовы преувеличить эту трудность и превратить ее в невозможность) совместить активную и деятельную жизнь с жизнью погруженного в духовный покой и достигшего реализации мудреца; здесь и радость, которую доставляет уму сам акт и состояние отречения – как доставляет ему, на самом деле, радость всё, чего он достиг или чему научился, – а также чувство покоя и освобождения, обретенное благодаря бесстрастному отношению к миру и объектам человеческих желаний. Причины низшего порядка заключаются в слабости и нежелании вступать в борьбу, в отвращении к миру и разочарованности души, отказывающейся принять на себя бремя великого космического труда, в эгоизме, позволяющем не думать о тех, кто остался позади, и заботиться лишь о том, чтобы освободиться от цепей, приковывающих нас к вечно вращающемуся ужасному колесу рождений и смертей, в безразличном отношении к стонам страдающего человечества.

Для садхака интегральной Йоги ни одна из этих причин не является веской и убедительной. Слабость и эгоизм, пусть и облаченные в духовные одеяния, для него вообще неприемлемы; он должен стать воплощением божественной силы и смелости, божественного сострадания и готовности помочь, ибо эти качества присущи природе Божественного, в которую он должен облачиться, как в прекрасное, сияющее духовным светом платье. Вращение великого колеса рождений и смертей не вызовет у него ни ужаса, ни головокружения;

он превосходит его в своей душе и свыше познаёт божественную цель и закон его вращений. Что же касается проблемы совмещения божественной жизни с обычным человеческим существованием, пребывания в Боге – с нахождением в человеческой плоти, то он явился сюда именно для того, чтобы решить эту проблему, а не избегать ее. Он знает, что радость, покой, чувство освобождения не могут быть подлинным венцом и достижением, верхом совершенства, безраздельным достоянием души, если они зависят от уединения, бездействия и иных условий, если они не обладают устойчивостью, позволяющей им сохраняться в буре, в битве, в состязании и не затрагиваться мирскими радостями и горестями. Блаженство божественных объятий не покинет его, ибо он подчиняется импульсу божественной любви и видит и любит Бога в человечестве; если же ему покажется, что это блаженство на какое-то время оставило его, он по опыту знает, что он опять подвергается испытанию и проверке, чтобы его восприятие этого блаженства стало еще более совершенным. Личное спасение он ищет не для себя, а только потому, что оно необходимо для достижения человеческого совершенства, и потому, что невозможно освободить других, если сам в цепях, – хотя для Бога все возможно; небеса индивидуального спасения не манят его, как не страшит его и ад индивидуального страдания. Если существует пропасть между духовной и мирской жизнью, то он здесь именно для того, чтобы перекинуть через нее мост, чтобы примирить имеющиеся противоречия и превратить их в гармонию. Если миром правит плоть и дьявол, то сыны Бессмертия тем более должны быть здесь, чтобы отвоевать его для Бога и Духа. Если жизнь есть безумие, то многим миллионам душ нужен свет божественного разума; если она – сон, то множество спящих воспринимают его как явь, и им нужно либо начать видеть более возвышенные сны, либо пробудиться; если она – ложь, то тогда обманутым должна быть дарована истина. И даже если кто-то станет утверждать, что помочь миру можно, лишь явив блистательный пример бегства из него, мы не согласимся с этим догматом, так как у нас есть противоположный пример великих Аватаров, показывающий, что, не только отвергая мирскую жизнь в ее нынешнем виде, мы можем помочь миру, но также и в еще большей степени – принимая и возвышая ее. И если жизнь – это игра Всесущего, то почему бы нам не согласиться смело и вдохновенно сыграть в ней свою роль и не насладиться как самой игрой, так и нашим божественным Партнером.

Однако, прежде всего, наш взгляд на мир запрещает нам отречься от мирского существования, пока мы способны как-то помочь Богу и человеку в реализации божественного замысла. Мы смотрим на мир не как на творение дьявола или самообман души, а как на проявление Божественного, даже если оно пока еще является частичным, поскольку проявление представляет собой постепенный и эволюционный процесс. Поэтому для нас отречение от жизни не может быть целью жизни, а отречение от мира – целью, ради которой он был создан. Мы стремимся реализовать наше единство с Богом, но для нас эта реализация предполагает полное и абсолютное осознание нашего единства с человеком и невозможность отделить одно от другого. Если говорить христианским языком, то Сын Божий есть также и Сын Человеческий и оба эти элемента необходимы для полноты Мессии; или, пользуясь образами индийской философии, можно сказать, что божественный Нараяна, одним лучом которого является вселенная, проявляется и обретает совершенное воплощение в человеке; целостный человек есть Нара-Нараяна, и в этой целостности он символизирует высшую тайну существования.

Поэтому отречение должно быть для нас не целью, а лишь средством, но не единственным или главным средством, поскольку наша цель – проявление Божественного в человеке – сама по себе позитивна и не может быть достигнута негативными средствами. Такого рода средства могут использоваться лишь для удаления того, что препятствует позитивному проявлению. Это отречение должно быть абсолютным в отношении всего, что чуждо или противоречит проявлению Божественного в нас, и прогрессивным в отношении того, что явля-

ется не самым высоким или лишь частичным достижением. Мы не будем привязаны к нашей жизни в миру – и если такая привязанность имеется, мы должны отречься от нее и отречься полностью; но у нас не будет также никакой привязанности и к бегству от мира, к спасению, к великому самоуничтожению; и если такая привязанность существует, мы тоже должны отречься от нее и отречься полностью.

Кроме того, наше отречение должно быть, очевидно, внутренним; и это, прежде всего и в особенности, касается отречения от привязанностей и страстных желаний сердца и чувств, от своеволия в мыслях и действиях, от эгоизма в центре сознания. Ибо это и есть тот тройственный узел, которым мы привязаны к нашей низшей природе, и если мы сможем полностью отречься от всего этого, нас больше ничто не сможет связывать. Поэтому желание и привязанность должны быть полностью отброшены; ни к чему в мире мы не должны быть привязаны, ни к богатству ни к бедности, ни к радости ни к страданию, ни к жизни ни к смерти, ни к славе ни к безвестности, ни к греху ни к добродетели, ни к другу, ни к жене, ни к детям, ни к стране, ни к нашей работе и миссии, ни к небесам ни к земле, ни ко всему, находящемуся на них и за их пределами. Но это не означает, что мы ничего не будем любить и ни чему не будем радоваться; ибо, испытывая привязанность к чему-либо, мы не любим, а лишь проявляем эгоизм в любви, а желая чего-то, мы ищем не божественный восторг в вещах, а лишь ограниченное, эфемерное и не приносящее удовлетворения наслаждение. Мы должны обладать вселенской любовью, спокойной, но в то же время вечно пылкой и по своей интенсивности намного превосходящей краткие вспышки самой неистовой страсти, находить радость во всем, берущую свое начало в радости в Боге, и наслаждаться не формами вещей, а тем, что они скрывают в себе и что объемлет вселенную, не попадая к ним в сети.¹⁵

Мы уже знаем, что, если мы хотим достичь совершенства на пути божественных трудов, своеволие в помыслах и действиях должно быть самым решительным образом отвергнуто; и не менее решительно его нужно отвергнуть, чтобы достичь совершенства в божественном знании. Подобное своеволие свидетельствует о ментальном эгоизме, заставляющем ум придерживаться своих предпочтений, привычек, прошлых или нынешних ментальных формаций, взглядов и намерений, – ибо он считает их собой или неотъемлемой частью себя и опутывает их тонкими нитями «я» и «мое» и живет в них, как паук в своей паутине. Ему не нравится, когда его тревожат, как паук не терпит, когда трогают его паутину, и, будучи помещен в систему новых взглядов и представлений, он чувствует себя потерянным и несчастным, как паук, перенесенный в другую паутину. Ум должен полностью избавиться от такого рода пристрастий. Мы не только должны отказаться от обычного взгляда на мир и жизнь, которого естественным образом придерживается непробужденный ум, но и не ограничивать себя ни собственными ментальными конструкциями, ни рамками любой интеллектуальной системы, ни набором религиозных догм или логических умозаключений; мы должны не только разрубить путы ума и чувств, но и вырваться из тенет, в которых пребывает мыслитель, теолог, основатель церкви, – из тенет Слова и оков Идеи. Все это живет внутри нас и только и ждет того, чтобы закабалить дух, заключив его в форму; но мы всегда должны устремляться выше, идти дальше, всегда отказываться от меньшего ради большего, от конечного ради Бесконечного; мы должны быть готовы переходить от озарения к озарению, от переживания к переживанию, от одного состояния души к другому, чтобы, в конце концов, достичь как высочайшей трансцендентности, так и беспредельной универсальности Божественного. Мы не должны привязываться даже к тем истинам, которые казались нам самыми несомненными, ибо они лишь формы и проявления Невыразимого, отказывающегося ограничивать себя какой-либо формой или проявлением; мы всегда должны быть

¹⁵ *Nirlipta*. Божественная Ананда в вещах – это *нишкама* (*nīṣkāma*) и *нирлипта* (*nirlipta*), она свободна от желаний и поэтому ни к чему не привязана. – Прим. Шри Ауробиндо.

открыты божественному Слову свыше, не ограниченному своим смыслом, и свету Мысли, заключающей в себе свои собственные противоположности.

Но центром любого сопротивления является эгоизм, и мы должны неотступно преследовать его, изгонять из каждого укрытия, срывать с него любые маски, изобличать и уничтожать; ибо бесчисленны его обличья и он прибегает к любым увороткам, чтобы скрыть себя. Альтруизм и бесстрашие часто выступают для него самым хорошим прикрытием; скрываясь за ними, он нагло действует прямо на глазах божественных посланцев, призванных выследить его. И здесь нам на помощь приходит формула высшего знания; все эти различия должны исчезнуть, когда мы смотрим на мир из сокровенных глубин своего существа, ибо в этом случае нет ни нашего «я», ни «я» других, а только одно божественное «Я», равно присутствующее во всех, в индивидууме и в коллективе. И самое главное для нас осознать это, выразить это, служить этому, добиться максимального проявления этого. Самодовольство и альтруизм, радость и безразличие – вещи второстепенные. Если реализация единого «Я», его проявление и служение ему требует от нас действий, которые другим кажутся действиями корыстолюбца и самоуверенного эгоиста или же направленными на получение эгоистического удовольствия или эгоистического удовлетворения, мы все равно должны продолжать начатое и подчиняться не мнению окружающих, а внутреннему наставнику. Окружение часто оказывает на нас незаметное, но довольно сильное влияние; мы почти бессознательно предпочитаем одеваться так, чтобы предстать в лучшем виде в глазах окружающих, и позволяем некой вуали закрыть наш внутренний взор; мы облачаемся в рубище или мантию жреца или стараемся внешне выглядеть образцом отречения и бесстрастия или незапятнанной святости, потому что именно этого требует от нас традиция и устоявшиеся взгляды и именно так мы можем произвести наилучшее впечатление на окружающих. Но все это ложь и суэта. Мы можем быть вынуждены принимать определенный внешний вид, облачившись в соответствующие одеяния, так как это является формой одежды на месте нашей службы; но все может обстоять и прямо противоположным образом. Не имеет значения то, что люди видят внешним зрением; важно то, что они видят внутри.

Читая Гиту, мы видим, насколько тонким является понятие освобождения от эгоизма, которое от нас требуется. В битву Арджуну толкает эгоизм сильного человека, эгоизм кшатрия; затем он пытается уклониться от участия в битве, подчиняясь противоположному эгоизму, эгоизму слабого человека, избегающего кровопролития, отвращающегося от него и проявляющего не то божественное сострадание, которое умножает силу и проясняет сознание, а ложную жалость, парализующую его ум, нервное существо и чувства. Однако эта слабость одевает маску отречения и добродетели: «Лучше нищего жизнь, о Кришна, чем вкушение наслаждений, обогранных кровью близких; ни землей не желаю я править, ни царством богов на небе». «Как глупо со стороны Учителя, – сказали бы мы, – не воспользоваться этой благоприятной возможностью и не пополнить армию саньясинов еще одной великой душой и не продемонстрировать миру еще один ярчайший пример благородного отречения». Но Проводник видит, что стоит за этим отказом, Проводника не обманешь: «Эгоизм, заблуждение и слабость говорят в тебе, о Арджуна. Узри свое [высшее] «Я», распахни глаза свету знания, душу от эгоизма очисти». И дальше: «Сражайся, побеждай и наслаждайся богатым царством». Или возьмем другой пример из древней индийской традиции. На первый взгляд, эгоизм подвигнул Раму, Аватара, собрать армию и ради вызволения своей жены из плена царя Ланки уничтожить целый народ. Но разве менее эгоистично было бы сказать, изображая отрешенность и бесстрашие и мотивируя свой отказ формальными рассуждениями: «У меня нет жены, нет врагов, нет желаний; все это – иллюзии чувств; я буду развивать в себе сознание Брахмана, и пусть Равана делает с дочерью Джанаки все, что ему заблагорассудится»?

Критерий всегда внутри, на чем и настаивает Гита. Быть свободным – значит иметь душу свободную от желаний и предпочтений, не привязанную ни к аскетическому бездействию, ни к действию, продиктованному эгоистическим импульсом, свободную от привязанности к добродетели в ее всевозможных формах и к привлекательности греха. Быть свободным – значит избавиться от ощущений «я» и «мое» и жить и действовать в едином «Я»; это значит отвергнуть эгоизм, не позволяющий человеку трудиться в качестве индивидуального центра универсального Бытия, а также эгоизм, побуждающий его удовлетворять потребности своего ума, жизни и тела, не принимая во внимание потребности других. Жить в едином «Я» – значит жить не только для себя, погрузившись в Бесконечность и забыв обо всем в этом океане безличного самосущего восторга; это значит жить как это «Я» и быть этим «Я», одним и тем же и одинаково присутствующим как в этом теле, так и в других телах и превосходящим любое проявление. Это и есть интегральное знание.

Мы видим, что смысл, который мы придаем идее отречения, отличается от того, что под этим обычно понимают. Обычно считается, что отречение это самоограничение, отказ от наслаждений, отвержение объектов наслаждения. Самоограничение – необходимый элемент в воспитании души человека, потому что его сердце невежественно привязано ко многим вещам; отказ от наслаждений необходим, потому что его чувства увязли и запутались в мутном меду чувственных удовольствий; отвержения объектов наслаждения нельзя избежать, потому что ум фиксирует на них свой взгляд и не может оторвать его, чтобы превзойти их и погрузиться в себя. Если бы ум человека не был столь невежественным, пристрастным, связанным даже в своей беспокойной непоследовательности, легко вводимым в заблуждение формой вещей, отречения не понадобилось бы; душа могла бы следовать благодатным путем от меньшего блаженства к большему, от меньшей радости к более великой и божественной радости. Но сейчас такое едва ли возможно. Душа должна внутренне отречься от всего, к чему она привязана, чтобы познать, чем это является в своей истинной реальности. Внешнее отречение не является главным, но даже оно на какое-то время необходимо, в отношении многих вещей неизбежно и иногда полезно во всем; мы даже можем сказать, что полное внешнее отречение это стадия, через которую душа должна пройти в определенный период своего развития – однако оно никогда не должно сопровождаться тем своевольным насилием и жестоким самоистязанием, которые оскорбляют Божественное, пребывающее в нас. Но, в конце концов, это отречение или самоограничение не более чем средство, и период его использования рано или поздно подходит к концу. Когда объект более не привлекает нас, поскольку душа наслаждается уже не объектом как таковым, а Божественным, которое проявляется в нем, отречение становится ненужным; когда душа более не ищет наслаждений, а ощущает восторг Божественного, равно присутствующий во всех вещах, и не нуждается в личном или физическом обладании самой вещью, отказ от наслаждений становится не нужен; когда душа более ничего не требует, а сознательно подчиняется воле единого «Я» во всех существах, пропадает необходимость в самоограничении. Именно тогда мы освобождаемся от необходимости подчинения Закону и начинаем жить в свободе Духа.

Мы в своем восхождении должны быть готовы оставить позади не только то, что заклеили как зло, но и то, что кажется нам благом, но не является абсолютным благом. Есть вещи, которые были нужны, полезны и одно время казались даже чем-то единственно необходимым, но после того, как они достигнуты и сослужили свою службу, когда мы чувствуем потребность превзойти их и идти дальше, они становятся препятствиями или даже враждебными силами. Есть приятные состояния души, в которых опасно оставаться после того, как они полностью освоены, так как, задерживаясь, мы прекращаем двигаться вперед, к более обширным, запредельным им царствам Бога. Даже к божественным реализациям не следует привязываться, если это не высочайшие и не всеобъемлющие реализации. Нас может удовлетворить только Бог во всей своей Тотальности, только абсолютная трансцен-

дентность. И если мы, таким образом, сможем быть свободными в духе, мы во всей полноте узрим чудо Божественных трудов; мы обнаружим, что, внутренне отрекшись от всего, мы ничего не утратили. «Отказываясь от всего этого, ты сможешь наслаждаться Всем». Ибо все сохраняется для нас и возвращается к нам, но чудесным образом изменившись и преобразившись во Всеобщее Благо, Всеобщую Красоту, Всеобщее Сияние и Всеобщий Восторг Того, кто вовеки чист, бесконечен и являет собой тайну и чудо, которые пребудут вечно.

Глава VI. Синтез дисциплин Знания

В предыдущей главе мы в самых общих чертах говорили об отречении, как еще ранее – о сосредоточении во всех его формах; поэтому сказанное в равной степени применимо как к Пути Знания, так и к Пути Трудов и Пути Преданности; ибо на всех трех путях необходимы как сосредоточение, так и отречение, хотя характер их применения может отличаться. Однако сейчас нам следует более детально рассмотреть те конкретные шаги на Пути Знания, которые нам предстоит сделать, опираясь на двойную силу сосредоточения и отречения. Следуя по этому пути, мы фактически восходим по той великой лестнице существования, по которой душа низошла в материальную вселенную.

Основная цель йоги Знания – открытие высшего «Я», нашего подлинного самосущего бытия, и эта цель предполагает, что наше нынешнее состояние бытия по своей природе не является истинным и самосущим. Мы, конечно же, сразу должны отвергнуть радикальные решения, одним ударом разрушающие узел вселенского существования и даже не пытающиеся разгадать его загадку; мы не считаем вселенную ни бутафорским материальным фасадом, созданным Силой, ни иллюзией, порожденной Умом, ни сплетением ощущений, представлений и результатов ощущений и представлений, за которыми великая Пустота или великое блаженное Ничто – то, к чему мы должны стремиться как к нашему подлинному вечному небытию. Мы считаем высшее «Я» реальностью, а вселенную – реальным проявлением не столько материальной силы и творческой энергии этого высшего «Я», сколько его сознания и, несмотря на приоритет сознания или даже именно по этой причине, она для нас реальна. Но, хотя вселенная это явь – реальное проявление божественного и универсального, – а не вымысел и не плод воображения индивидуального «я», наше земное существование погружено в неведение и не является нашим подлинным и настоящим бытием. Мы ложно воспринимаем себя, мы считаем собой то, чем в сущности не являемся; наши взаимоотношения с окружающим миром ложны, поскольку мы в действительности не знаем ни себя, ни вселенную и основываем свои представления на временных отношениях, которые Душа и Природа установили между собой для удобства развивающегося эго. И эта ложь – основная причина всех тех искажений, заблуждений и страданий, которые на каждом шагу осаждают как нашу внутреннюю жизнь, так и наши взаимоотношения с окружающим миром. Наша личная и наша общественная жизнь, наши взаимоотношения с самими собой и с другими людьми основаны на лжи, а потому ложны в своих устоявшихся принципах и методах, хотя через все эти заблуждения растущая истина постоянно стремится проявить себя. По этой причине человеку Знания в первую очередь нужно обрести не то, что называют «практическим знанием жизни», а глубочайшее знание «Я» и Природы,¹⁶ которое только и может быть положено в основу подлинной практической деятельности.

Причина заблуждения – в ложном отождествлении. Природа создала внутри своего материального единства, на первый взгляд, отделенные друг от друга тела, которые Душа, проявленная в материальной Природе, окутывает, наполняет, превращает в свои инструменты и использует; забывая себя, Душа осознает лишь этот отдельный узел в Материи и говорит: «Я есть это тело». Она мыслит о себе как о теле, страдает вместе с телом, наслаждается вместе с телом, рождается вместе с телом и умирает вместе с телом; или, по крайней мере, она так видит свое существование. Также Природа внутри своего единства универсальной жизни создала, на первый взгляд, отдельные потоки жизни, каждый из которых превращается в завихрение витальной энергии внутри и вокруг каждого тела, и Душа, проявленная в витальной Природе, входит в такой поток, захватывается им и моментально ока-

¹⁶ *ātmajñāna* и *tattvajñāna*

зывается пленником этого маленького вихря жизни. Душа, также забывая себя, говорит: «Я есть эта жизнь»; она мыслит о себе как о жизни, желает ее желаниями, наслаждается ее наслаждениями, терпит ее страдания, стремительно движется вперед или отступает и падает, следуя ее течениям. Если Душа все еще преимущественно руководствуется телесными ощущениями, она отождествляет свое существование с вращением этого витального вихря и думает: «Когда, благодаря растворению тела, этот сформировавшийся вокруг него вихрь рассеется, я перестану существовать». Если же Душа в состоянии воспринимать поток жизни, сформировавший этот вихрь, она считает себя этим потоком и говорит: «Я – этот поток жизни; я овладела этим телом, я оставлю его и овладею другими телами: я – бессмертная жизнь, вращающаяся в цикле постоянных перерождений».

Но Природа также создала внутри своего ментального единства, сформированного в универсальном Разуме, своеобразные ментальные генераторы, на первый взгляд, отделенные друг от друга – центры генерирования, распределения и повторного поглощения ментальной энергии и продуктов ментальной деятельности, своеобразные станции в системе ментального телеграфа, где послания отправляются, принимаются, читаются, расшифровываются и осмысливаются. И эти послания и формы этой деятельности чрезвычайно разнообразны – они могут быть чувственными, эмоциональными, понятийными, концептуальными, интуитивными – и Душа, проявленная в ментальной Природе, все их приемлет, использует в своих взглядах на мир и даже, как ей кажется, прогнозирует и принимает их удары, терпит или преодолевает их последствия. Основу этих генераторов Природа закладывает в сформированных ею материальных телах. Она делает эти тела фундаментом своих станций и соединяет ментальное с материальным посредством наполненной движением витальных потоков нервной системы, благодаря которой ум осознает материальный мир и, если таков его выбор, витальный мир Природы. Если бы фундаментом было не тело, то ум в первую очередь и преимущественно осознавал бы ментальный мир, а материальный видел бы лишь мельком и воспринимал опосредованно. Ум, в его настоящем виде, фиксирует свое внимание на теле и материальном мире, в которых находится его основа, все же остальные уровни существования он воспринимает смутно, опосредованно или подсознательно, став невосприимчивым на внешнем плане или забыв эти обширные пространства самого себя.

Душа отождествляет себя с этим ментальным генератором или станцией и говорит: «Я есть этот ум». И поскольку ум погружен в телесную жизнь, он думает: «Я – ум в живом теле», или, что еще более распространено: «Я – тело, которое живет и мыслит». Душа отождествляет себя с мыслями, эмоциями, ощущениями воплощенного ума и полагает, что с распадом тела все это исчезнет и она тоже перестанет существовать. Или, если она осознает непрерывность развития ментальной личности, она думает о себе, как о ментальной душе, вселившейся в тело на одну жизнь или же сменяющей тела и периодически оставляющей этот мир и возвращающейся в потусторонние ментальные миры; постоянство этого ментального существа, ментально наслаждающегося или ментально страдающего иногда в теле, а иногда на ментальных или витальных планах Природы, она называет бессмертием. Или же, поскольку ум является принципом света и знания, пусть и несовершенного, и способен составить некоторое представление о том, что превосходит его, душа осознает, что ментальное существо может раствориться в том, что выше его, в некоей Пустоте или вечном Существовании, и тогда она говорит: «Там я, ментальная душа, перестану существовать». И, в зависимости от того, насколько ее влечет или отталкивает нынешняя игра воплощенного ума и витальной энергии, она либо страшится и отвергает это растворение, либо жаждет и принимает его.

Однако все эти способы восприятия нашего существования есть смесь истины и лжи. Ум, Жизнь, Материя и ментальная, витальная и физическая индивидуализация существуют, как факты Природы, но отождествление души со всем этим есть ложное отождествление. В этом смысле Ум, Жизнь и Материя, сами по себе, являются лишь принципами суще-

ствования, которые истинное «я» развило посредством контакта и взаимодействия Души и Природы, чтобы выразить свое собственное целостное бытие в форме Космоса. Индивидуальные ум, жизнь и тело – это лишь проявления действия этих принципов, возникшие в результате взаимодействия Души и Природы и являющиеся средством выражения той множественности, на которую единое Существование вечно способно и которую оно вечно и тайно хранит в своем единстве. Индивидуальные ум, жизнь и тело являются формами нас до тех пор, пока мы остаемся центрами множественности Единого; универсальные Ум, Жизнь и Тело также являются формами нашего «я», поскольку мы в своей сущности и есть этот Единый. Но «я» превосходит как индивидуальные, так и универсальные ум, жизнь и тело, и когда мы ограничиваем себя отождествлением с ними, мы основываем свое знание на лжи, мы получаем искаженное восприятие и искаженный практический опыт не только нашего самосущего бытия, но также нашего космического существования и индивидуальной активности.

«Я» является вечным изначальным Бытием и чистым существованием, а все остальное – его становление. Мы должны исходить из этого знания; это знание мы должны обрести и сделать его основой своей внутренней и внешней жизни. Йога Знания, начинаясь с этой основополагающей истины, прибегает к негативному и позитивному методам самодисциплины, благодаря которым мы избавляемся от ложных отождествлений и возвращаемся к подлинному знанию себя. Негативный метод заключается в том, чтобы все время повторять: «Я – не тело», стремясь отвергнуть и искоренить ложную идею «Я есть тело», упорно сосредоточиваясь на этом знании и, благодаря отказу души от привязанности к физической реальности, наконец перестать ощущать себя телом. Затем мы говорим: «Я – не жизнь» – и, сосредоточиваясь на этом знании и избавляясь от привязанности к витальным движениям и желаниям, перестаем ощущать себя жизнью. И, наконец, мы говорим: «Я – не ум, не мышление, не ментальные ощущения, не мысли» – и, сосредоточиваясь на этом знании и отстраняясь от всех форм ментальной активности, перестаем ощущать себя умом. Когда мы таким образом постоянно и все в большей степени отделяем себя от того, с чем привыкли себя отождествлять, покровы Природы постепенно спадают и высшее «Я» становится доступно нашему восприятию. Тогда мы говорим: «Я есть Это, эта чистота, эта вечность, это самосущее блаженство» – и, сосредоточивая наш ум и бытие на этой мысли, мы становимся Этим и в конце концов можем отвергнуть и индивидуальное существование, и Космос. Другой, позитивный метод, относится, скорее, к практике Раджа-йоги и заключается в сосредоточении на идее Брахмана и отвержении всех остальных идей. В результате этого генератор ума затихает, переставая перерабатывать впечатления нашей внешней и еще более разнообразной внутренней жизни; и в результате прекращения ментальной активности игра витальных и физических частей тоже успокаивается в вечном самадхи – некоем невыразимом глубочайшем трансе, находясь в котором мы переходим в абсолютное Существование.

Эта методика по сути является эгоцентричным и исключительно внутренним движением, в ходе которого ум отрекается от мира, переставая о нем думать, а душа – переставая его видеть. Но вселенная продолжит существовать как некая истина в Боге, даже если индивидуальная душа закроет на нее глаза. И «Я» тоже реально, а не иллюзорно пребывает во вселенной, поддерживая все, что мы отвергли, будучи присуще всему, реально объемля индивидуума во вселенной, а также саму вселенную в том, что превосходит ее. Что нам делать с этим вечным «Я» в этой нескончаемой вселенной, которая, как мы видим всякий раз, прекращая медитацию и выходя из транса, со всех сторон окружает нас? На аскетическом Пути Знания существует свое решение и своя дисциплина для души, взвешивающей на мир. Она должна увидеть имманентное, всеохватывающее и всенаполняющее «Я» в виде эфира, вмещающего в себя все формы, пребывающего во всех формах и являющегося материалом, из которого все формы сделаны. В этом эфире космические Жизнь и Ум движутся как Дыха-

ние всего сущего, как воздушный океан в эфирном, и формируют из него все эти формы; но то, что они формируют, это просто имена и формы, а не что-то реальное; горшок, видимый нами, есть лишь форма земли, которая возвращается в землю, земля – это форма, растворяющаяся в космической Жизни, а космическая Жизнь – движение, затихающее в этом неподвижном Эфире. Сосредоточиваясь на этом знании, отвергая все внешнее и феноменальное, мы начинаем видеть все как призрачные имена и формы, плавающие в эфире, который есть Брахман; все становится для нас иллюзией; вселенная становится иллюзорной, и мы видим, что ей на самом деле ничто не присуще, что ее связь с «Я» тоже иллюзорна и в результате остается только «Я», которому наш ум ложно навязывал имя и форму вселенной. Так оправдывается уход индивидуального «я» из проявленного мира и его растворение в Абсолюте.

И все же «Я» продолжает существовать – со своим вечным аспектом имманентности, своим неизменным аспектом божественной вездесущности, своим бесконечным чудом становления каждой вещью и всеми вещами; наше обнаружение обмана и наш уход от мира, кажется, никак не влияют ни на «Я», ни на вселенную. Не следует ли нам тогда также познать и то, что продолжает таким образом существовать независимо от нашего приятия или неприятия, познать то, что слишком велико, слишком вечно, чтобы как-то зависеть от наших предпочтений? В проявленном мире тоже должна присутствовать некая неуничтожимая реальность, пребывающая в действии, и интегральность Знания требует от нас, чтобы мы узрели и осознали ее; иначе может оказаться, что обманчиво и иллюзорно не присутствие Господа во вселенной, а само наше знание. Поэтому мы должны снова сосредоточиться и увидеть и познать также и то, что так полноправно продолжает существовать, понять, что «Я» это не что иное, как Верховная Душа – Владыка Природы и опора космического существования, – дающая санкцию на его продолжение, побуждающая всех его существ к действию и движущая его бесконечными циклами. И все же мы снова должны сосредоточиться и увидеть и реализовать нечто еще, должны познать «Я» как единое Существование, являющееся как Душой, так и Природой всего, одновременно Пурушей и Пракрити, и таким образом способное проявлять себя во всех этих формах и быть всеми этими творениями. Ибо, в противном случае, мы сделаем в своем познании произвольный выбор и исключим то, что является неотъемлемой частью «Я».

Древний аскетический Путь Знания допускал всеобщее единство и сосредоточение на всех этих аспектах единого Существования, но между ними проводились различия и существовала иерархия. Считалось, что «Я», становящееся всеми этими формами, – это Вират или универсальная Душа; «Я», создающее все эти формы, – это Хираньягарбха или просветленная и творчески мыслящая Душа; «Я», содержащее в себе семена всего сущего, – это Праджня, сознательная Первопричина или каузальная Душа; выше них находится Абсолют, который допускает всю эту иллюзию, но никак с ней не взаимодействует. В Это мы должны подняться и тоже прекратить всякое взаимодействие со вселенной – ибо подлинное Знание означает окончательное Знание, следовательно, все более низкие реализации должны быть либо оставлены позади, либо утрачены в Этом. Но мы-то понимаем, что все эти различия, сделанные умом по чисто практическим соображениям, обладают лишь относительной, а не абсолютной ценностью и нужны для достижения определенных целей. Наше видение мира требует единства; универсальное «Я» не отделено от мыслящего и творящего, а мыслящее – от каузального, а каузальное – от Абсолюта, все это – единое «Самосущее бытие, ставшее всем становлением», которое есть не что иное, как Господь, проявляющий Себя как все эти существа и в свою очередь являющийся не чем иным, как единосущим Брахманом и, воистину, всем, что мы можем увидеть, потрогать, ощутить, пережить или осмыслить. Это «Я», этого Господа, Брахмана мы должны познать, чтобы стать едиными с ним и со всем его проявлением, и в этом единстве нам следует жить. Ибо нам нужно объединяющее знание; зна-

ние, которое разделяет, это всегда частичное знание, имеющее ценность лишь для частных практических целей; истинное же знание – то, которое объединяет.

Поэтому наша интегральная Йога включит в себя все эти дисциплины и методы сосредоточения, но гармонизирует и по возможности объединит их, устранив имеющиеся противоречия. Искатель интегрального знания не будет стремиться к постижению Господа и Всесущего только для того, чтобы отвергнуть их ради безмолвного «Я» или непознаваемого Абсолюта, как это делается в исключительно трансцендентальной йоге, не будет он и жить лишь для Господа или же только во Всесущем, как это делается в исключительно теистической или исключительно пантеистической йоге. Он ни в своем мышлении, ни в своей йогической практике, ни в своих реализациях не ограничит себя никакими религиозными догмами, никакими философскими концепциями. Он будет искать Истину существования во всей ее полноте. Он не станет отвергать древние дисциплины, так как они основаны на вечных истинах, но будет использовать их в направлении, соответствующем его целям.

Мы должны понять, что наша главная цель на пути знания – реализация нашего высшего «Я». Это важнее, чем реализация «Я», одинаково присутствующего в других или являющегося Владыкой Природы или Всесущим; ибо индивиду крайне необходимо достичь высочайшей истины своего собственного существа, упорядочить его работу, избавиться от противоречий и хаоса, отбросить ложные отождествления, добиться его правильного сосредоточения и чистоты, познать, что является его источником, и подняться к нему. Но мы будем делать это не для того, чтобы исчезнуть в этом источнике, а чтобы все наше существование и все сферы этого внутреннего царства могли обрести свою истинную основу, могли жить в нашем высочайшем «я», жить исключительно для нашего высочайшего «я» и подчиняться повелениям, которые исходят только из этого «я» и передаются нашему очищенному существу, не подвергаясь никаким искажениям при их прохождении через ум. И если мы всё будем делать правильно, то обнаружим, что, ведя поиск этого высшего «Я», мы нашли единое «Я» всего, единого Владыку нашей природы и всей Природы – того, кто есть Тотальность нас самих и Тотальность универсума. Ибо то, что мы видим в себе, мы неизбежно должны увидеть повсюду, поскольку в этом заключается истина Его единства. Обнаружение и правильное использование Истины нашего существа приведет к неизбежному слому и отбрасыванию барьера, отделяющего нашу индивидуальность от вселенной, и Истина, реализованная нами в своем собственном существе, обязательно реализуется для нас во вселенской универсальности, которой мы после этого станем. Реализуя в себе ведантический принцип «Я есть Он», мы, глядя на окружающий мир, обязательно придем к точно такой же реализации в отношении этого мира и постигнем другой аспект ведантического знания: «Ты есть Это». Нам нужно лишь позаботиться о том, чтобы практическое построение нашей садханы позволило нам успешно достичь этого великого единения.

Глава VII. Освобождение от подчиненности телу

Поняв интеллектуально, что кажущееся не является Истиной, что «я» не есть тело, жизнь или ум, поскольку они лишь его формы, нашим первым шагом на пути знания должно стать исправление практических взаимоотношений нашего ума с жизнью и телом, чтобы он сумел установить правильные взаимоотношения с высшим «Я». Легче всего это сделать, прибегнув к способу, с которым мы уже знакомы, поскольку он (как мы помним) играл очень важную роль в Йоге Трудов, и который заключается в отделении Пуруши от Пракрити. Пуруша, душа, обладающая властью и знанием, погрузилась в водоворот трудов своей исполнительно-сознательной силы, погрузилась настолько глубоко, что стала ошибочно принимать себя за этот физический продукт ее деятельности, которое мы называем телом; Пуруша забывает свою собственную природу, забывает, что он есть душа, обладающая властью и знанием; он полагает, что его ум и душа подчинены законам и процессам тела; он забывает, что является чем-то намного более величественным, нежели просто физическая форма; он забывает, что ум на самом деле могущественнее Материи и не должен подчиняться ее омрачающим влияниям, реакциям, склонности к инерции, склонности к неспособности; он забывает, что сам он выше ума, что он является Силой, способной возвысить ментальное существо и помочь ему превзойти себя; он забывает, что он – Владыка, Трансцендентный, а Владыке не подобает рабски зависеть от своих собственных действий, а Трансцендентному – ограничивать себя формой, затерянной в необъятности его безграничного бытия. Пуруша, вспоминая свою истинную природу, должен устранить все эти провалы памяти, и в первую очередь ему следует вспомнить, что тело – лишь инструмент, один из инструментов Пракрити.

Тогда мы говорим уму, указывая на тело: «Это инструмент Пракрити, это – ни ты и ни я; отдели себя от этого». Если мы приложим достаточно усилий, то обнаружим, что ум обладает этой способностью отделяться от тела и смотреть на него со стороны, и не только мысленно, но и в действии, то есть почти физически или, скорее, витально. Эта отделенность ума должна быть подкреплена своеобразным безразличием по отношению к телу и его состоянию; нас не должно особенно заботить, сколько оно спит или бодрствует, работает или отдыхает, испытывает ли страдания или наслаждения, больно оно или здорово, полно энергии или бессильно, ощущает комфорт или дискомфорт, что оно ест или пьет. Это, однако, не означает, что мы, пока это в наших силах, не будем заботиться о теле и поддерживать его в надлежащем состоянии; нам не следует впадать в крайний аскетизм или полностью пренебрегать своей физической основой. Но вместе с тем на уровне ума мы не должны зависеть от голода, жажды, дискомфорта или болезни или придавать состоянию тела то значение, какое придает ему витальный и физический человек. По правде говоря, мы вообще не должны придавать ему какого-либо значения, за исключением самого второстепенного, рассматривая его только как инструмент. И его значение как инструмента тоже не должно вырастать до понятия необходимости; например, мы не должны думать, что чистота ума зависит от того, что мы едим или пьем, хотя на определенной стадии ограничения в еде и питье могут быть полезны для нашего внутреннего прогресса; с другой стороны, мы должны избавиться от прежних стереотипов и понять, что зависимость ума и даже жизни от пищи и питья не более чем привычка, обычный тип взаимодействия, установленный Природой между этими принципами. На самом деле с помощью выработки противоположной привычки и нового типа взаимодействия количество принимаемой нами пищи можно свести к минимуму, несколько не утратив при этом ни ментальной, ни витальной энергии; даже, напротив, сознательно и целенаправленно развивая свой ум и витальное существо, можно существенно повысить их энергетический потенциал, научив их черпать энергию из тайных источников ментальной

и витальной энергии, с которыми они более тесно связаны, а не полагаться на менее эффективную поддержку физического питания. Впрочем, этот аспект самодисциплины важен не столько в Йоге знания, сколько в Йоге самосовершенствования; ибо для достижения нашей нынешней цели крайне важно, чтобы наш ум избавился от привязанности к телу или зависимости от его состояния.

Подвергаясь такой дисциплине, ум постепенно учится занимать по отношению к телу позицию Пуруши. Прежде всего, он должен познать ментального Пурушу, как того, кто поддерживает тело, но никак не является самим телом; ибо бытие Пуруши очень сильно отличается от физического существования, которое он поддерживает с помощью ума, используя в качестве посредника витальную силу. Эта позиция всего существа по отношению к физическому телу должна стать настолько естественной, что это тело начнет казаться чем-то внешним, не присущим нам, похожим на одежду, которую можно снять, или же на инструмент, который мы зачем-то носим с собой. Мы можем даже почувствовать, что тела в каком-то смысле вообще не существует, а если оно и есть, то лишь как своего рода частичное проявление нашей витальной силы и ментальности. Подобные изменения свидетельствуют о том, что ум начинает занимать по отношению к телу правильную позицию, что его ложное видение, основанное на физических ощущениях и подчиненное им, замещается видением истинной сути вещей.

Далее ум, отстраненно взирая на движения и состояния тела, познаёт пребывающего внутри себя Пурушу, сначала как наблюдающего или созерцающего эти движения, а потом как постигающего или понимающего эти состояния. Он и в мыслях и в ощущениях перестает рассматривать эти движения и состояния как свои собственные, а смотрит на них, скорее, как на действия Природы, обусловленные ее гунами и их взаимодействием друг с другом. Эта отстраненность может стать настолько естественной и зайти так далеко, что между умом и телом возникнет своеобразное разделение, и уму будет казаться, что голод, жажда, боль, усталость, подавленность и т. д., ощущаемые физическим существом, принадлежат какому-то другому человеку, с которым у него такая тесная связь, что он способен видеть и чувствовать все, что происходит у того внутри. Такое разделение – великое средство, огромный шаг к власти над собой; ибо тогда ум становится способен наблюдать за всем, что происходит в природе, сначала не будучи подавленным этим, а потом вообще никак этим не затрагиваясь, наблюдать бесстрастно, ясно понимая, что происходит, но чувствуя свою полную отстраненность. Это начало освобождения ума от рабской подчиненности телу; ибо если подлинное знание последовательно претворяется в жизнь, то это неизбежно приводит к освобождению.

И, наконец, ум осознаёт, что ментальный Пуруша есть владыка Природы, без санкции которого ее движения не могут совершаться. Он обнаруживает, что Пуруша, как податель санкции, способен отозвать свое начальное согласие на былые привычки Природы и что любая привычка, в конце концов, прекращает существование или претерпевает изменение в соответствии с указанием Пуруши; но это происходит не сразу, так как привычка, одобренная им ранее, сохраняется, как устойчивый результат прошлой Кармы Природы, и не может исчезнуть или измениться до тех пор, пока не исчерпается эта Карма. Также очень многое зависит от силы привычки и от степени важности и необходимости, которую когда-то придавал ей ум; и если это не одна из фундаментальных привычек Природы, выработанных ею для обеспечения взаимодействия ума, жизни и тела, и если прежнее согласие более не поддерживается умом и отсутствует намеренное потакание этой привычке, то тогда, в конце концов, наступает изменение. Даже привычное ощущение голода и жажды может быть сведено до минимума, заблокировано и отброшено; таким же образом можно уменьшить и постепенно удалить привычку болеть, а параллельно с этим многократно увеличить способность ума исправлять нарушения в теле, либо сознательно управляя витальной силой, либо просто отдавая ментальный приказ. С помощью аналогичного процесса может быть устранена

привычка телесной природы связывать определенные формы и степени активности с напряжением, усталостью и неспособностью, и тогда сила, свобода, стремительность, эффективность, с которыми этот телесный инструмент будет выполнять физическую или ментальную работу, чудесным образом возрастут, удвоятся, утроятся, умножатся.

Строго говоря, эта сторона метода принадлежит Йоге самосовершенствования; но об этом необходимо вкратце упомянуть и здесь, во-первых, для того, чтобы заложить основу для дальнейшего рассказа о самосовершенствовании, которое является частью интегральной Йоги, во-вторых, потому, что нам необходимо развеять ложные представления, популяризируемые материалистической наукой. Согласно ей, нынешние нормальные ментальные и физические состояния и взаимоотношения ума и тела, выработанные прошедшей эволюцией, являются правильными, естественными и здоровыми, и все, что отличается от них или противоречит им, считается либо патологией, либо нарушением, либо аномальным состоянием, либо галлюцинацией, либо самообманом, либо безумием. Начнем с того, что этот консервативный принцип полностью игнорируется самой наукой, когда она так старательно и успешно пытается совершенствовать процессы физической Природы, с тем чтобы подчинить ее человеку. А что касается отклонений от так называемой «нормы», то достаточно будет сказать, окончательно рассеяв все сомнения, что изменения ментального и физического состояния, ведущие к большей чистоте и свободе существа, приносящие ничем не омрачаемую радость и покой и многократно увеличивающие власть ума над самим собой и над физическими функциями, одним словом, те изменения, которые позволяют человеку более эффективно управлять своей природой, конечно же, не являются патологическими и, поскольку ведут к позитивным и действенным результатам, не могут считаться галлюцинацией или самообманом. На самом деле, мы просто намеренно заставляем Природу ускорить эволюцию индивида, эволюцию, которую она в любом случае осуществит, но в ходе которой она намерена использовать человеческую волю в качестве своего главного инструмента, поскольку ее конечная цель – привести Пурушу к тому, чтобы он стал ее сознательным владыкой.

Сказав об этом, мы должны добавить, что на пути знания вопрос о совершенстве ума и тела либо вообще не встает, либо рассматривается во вторую очередь. Единственно, что необходимо, это превзойти Природу и проникнуть в высшее «Я», используя по возможности наиболее быстрый или наиболее разработанный и эффективный метод; что касается описываемого нами метода, то он пусть и не самый быстрый, но по своей эффективности не имеет себе равных. И здесь встает вопрос о физическом действии или бездействии. Обычно считается, что йогин должен насколько возможно воздерживаться от действия. Особое внимание обращается на то, что слишком активная внешняя деятельность является препятствием, так как не позволяет сосредоточить энергии внутри. До какой-то степени это верно; более того, мы должны заметить, что, когда ментальный Пуруша занимает позицию бесстрастного свидетеля и наблюдателя, склонность к тишине, уединению, физическому покою и бездействию начинает преобладать в существе. До тех пор, пока это не имеет ничего общего с инерцией, неспособностью или нежеланием действовать, одним словом, с ростом тамаса, все это к лучшему. Способность ничего не делать, которая в корне отличается от лени, бессилия или нежелания действовать и привязанности к бездействию, является великой способностью и великим могуществом; способность полностью воздерживаться от действия столь же необходима для джняна-йогина, как и способность полностью останавливать мышление, как способность сколь угодно долго пребывать в полном уединении и безмолвии, как способность погружаться в незыблемый покой. Тот, кому не хочется входить в эти состояния, еще не готов к пути, ведущему к высочайшему знанию; кто не способен вызывать их, пока еще не готов обладать этим знанием.

Впрочем, сразу же нужно добавить, что полное воздержание от всех физических действий совсем необязательно; вполне достаточно быть способным к этому; незачем питать отвращение к ментальной или материальной деятельности. Искатель интегрального знания не должен иметь привязанности ни к действию, ни к бездействию. И в особенности нужно преодолеть любую склонность к инерции ума, витального существа или тела; и если обнаруживается, что эта тенденция в природе возрастает, воля Пуруши должна быть использована для того, чтобы максимально быстро устранить ее. В конце концов приходит состояние, когда жизнь и тело, став просто инструментами, начинают исполнять волю ментального Пуруши, не испытывая ни напряжения, ни привязанности, принимаясь за дело без того чисто человеческого, жаждущего успеха и часто лихорадочного энтузиазма, который характерен для их обычной работы. Они приступают к работе, как силы Природы, действуя спокойно, без напряжения и реакций, свойственных жизни в теле, еще не ставшей его хозяином. Когда мы достигаем этого уровня совершенства, становится неважным, действуем мы или бездействуем, поскольку ни то ни другое не уменьшает свободы души, не отвлекает ее внимания и не мешает ей стремиться к высшему «Я» или неизменно пребывать в нем. Однако этой стадии совершенства в йоге удастся достичь не сразу, и пока этого не произошло, нам лучше всего соблюдать правило умеренности, предписанное Гитой; то есть избегать чрезмерной ментальной или физической активности, поскольку это приводит к большим энергетическим затратам и неблагоприятно воздействует на духовное состояние, а также чрезмерной пассивности, поскольку она ведет к привычке бездействовать и даже к неспособности трудиться, которую впоследствии придется с большим трудом преодолевать. И все же периоды абсолютного покоя, уединенности и полного воздержания от трудов в высшей степени полезны и должны быть как можно более частыми, ибо без этого погружения души внутрь себя подлинного знания не обрести.

Работая таким образом с телом, нам неизбежно приходится взаимодействовать с праной, или жизненной энергией. Для практических целей мы должны условно разделить жизненную энергию на два типа – физическую прану, действующую в теле, и психическую прану, поддерживающую ментальные формы деятельности. Ибо мы постоянно ведем двойную жизнь, ментальную и физическую, и та же самая жизненная энергия действует по-разному и приобретает разные свойства в зависимости от того, какую жизнь она поддерживает. В теле она формирует реакции голода, жажды, усталости, здоровья, болезни, физической бодрости и т. д., которые являются основополагающими ощущениями физического существа и определяют его состояние. Ибо грубое тело человека не похоже на камень или землю; это комбинация двух оболочек – витальной и «пищевой», а его жизнь есть постоянное взаимодействие между ними. И хотя жизненная энергия и физическое тело это две разные вещи, мы, отделяя ум от тела и освобождая его от поглощенности телесными ощущениями, начинаем все более и более отчетливо чувствовать течение праны и ее работу в нашем телесном инструменте, можем наблюдать за ее действиями и все больше и больше контролировать их. На практике, отстраняясь от тела, мы также отстраняемся и от физической жизненной энергии, даже если осознаём различия, существующие между ними, и воспринимаем физическую прану более близкой по отношению к нам, чем физическое тело. Окончательная победа над телом достигается тогда, когда мы подчиняем себе физическую жизненную энергию.

Наряду с привязанностью к телу и его деятельности преодолевается привязанность к жизни в теле. Ибо когда мы чувствуем, что наша физическая природа – лишь одеяние или инструмент, а не мы сами, отвращение к смерти тела, которому так сильно и безотчетно подвержен витальный человек, неизбежно должно ослабнуть и может быть отброшено. Его нужно отбросить и отбросить полностью. Страх смерти и отвращение к прекращению телесного существования – это след, оставленный в человеке его животным прошлым. И это древнее клеймо должно быть полностью стерто.

Глава VIII. Освобождение от уз сердца и ума

Но восходящая душа должна отделить себя не только от жизни в теле, но и от действия жизненной энергии в уме; она должна добиться того, чтобы ум, как представитель Пуруши, признал: «Я не есть эта Жизнь; эта Жизнь не является сущностью Пуруши, она – лишь инструмент, лишь один из инструментов Пракрити». Жизни свойственны, во-первых, активность и динамизм, во-вторых – стремление расширяться, поглощать и ассимилировать то, что находится вне индивида, и, наконец, ей присущ принцип удовлетворенности и неудовлетворенности полученным или захваченным, связанный с универсальным феноменом притяжения и отталкивания. Эти три принципа присутствуют повсюду в Природе, поскольку Жизнь повсюду в Природе. Но в нас, ментальных существах, эти принципы получают ментальную интерпретацию, зависящую от ума, который осмысливает их и соглашается с ними. Они принимают форму действия, желания, симпатии или антипатии, боли и наслаждения. Прана присутствует в нас повсюду – она поддерживает не только работу тела, но и наш чувственный, эмоциональный и мыслящий ум; и, привнося свой собственный закон, или дхарму, во все ментальные функции, она запутывает, ограничивает, нарушает слаженную и правильную работу этих умов и создает ту нечистоту несоответствия и ту невероятную путаницу, от которой страдает все наше психологическое существование. В этом хаосе, кажется, главенствует только один закон – закон желания. Как универсальное Божественное Существо, всеобъемлющее и всевладеющее, действует, движется, наслаждается лишь для удовлетворения божественного Восторга, так и индивидуальная жизнь действует, движется, наслаждается и страдает преимущественно для удовлетворения желания. Поэтому психическая жизненная энергия предстает перед нами в виде своеобразного ума желаний, который нам необходимо покорить, если мы хотим вернуться к своему истинному «я».

Желание одновременно является и мотивом наших поступков, и средством достижения цели, и проклятием нашего существования. Если бы наш чувственный ум, эмоциональный ум и мыслящий ум могли действовать, не подвергаясь вмешательству и влиянию жизненной энергии, если бы эта энергия вместо того, чтобы навязывать свой закон нашему существованию, могла быть подчинена их правильной работе, то все человеческие проблемы удалось бы гармонично разрешить. В идеале жизненная энергия должна делать то, на что ей указывает божественный принцип в нас, устремляться к тому и наслаждаться тем, что дается ей этим внутренним Божественным, и не иметь никаких желаний и предпочтений. Чувственный ум в идеале должен быть тихим, исполненным света и открытым для восприятия контактов Жизни инструментом, передающим возникающие ощущения и *расу* или истинный вкус и принцип восторга в них более высоким уровням ума; но из-за вмешательства влечения и отвращения, приятия и неприятия, удовлетворенности и неудовлетворенности, способности и неспособности, свойственных жизненной энергии в теле, чувственный ум, во-первых, ограничен в своем поле деятельности, а во-вторых, оставаясь замкнутым в пределах своих границ, он вынужден отождествлять себя со всеми этими диссонирующими проявлениями жизни в Материи. В результате он становится инструментом для переживания боли и наслаждения, вместо того чтобы быть проводником восторга существования.

Аналогичным образом, эмоциональный ум, вынужденный регистрировать все эти диссонансы и подчиняться возникающим эмоциональным реакциям, становится шумной ареной радости и горя, любви и ненависти, гнева, страха, борьбы, стремления, отвращения, симпатий, антипатий, равнодушия, довольства, недовольства, надежд, разочарований, признательности, мести и всей той неистовой игры страстей, которая составляет драму мировой жизни. Этот хаос мы зовем своей душой. Но подлинная душа, подлинная психическая сущ-

ность, присутствие которой мы ощущаем лишь изредка и которую развило очень небольшое число людей, является инструментом чистой любви, радости и светлого стремления к единению с Богом и нашими братьями. Это психическое существо скрыто игрой ментализированной праны или ума желаний, который мы ошибочно принимаем за душу; эмоциональный ум не в состоянии отразить подлинную душу в нас – Божественное в наших сердцах – и вместо этого вынужден отражать ум желаний.

Точно так же дело обстоит и с мыслящим умом, который в идеале должен наблюдать, понимать, судить, обладая бесстрастным восторгом познания, и быть открытым наитиям и озарениям, проясняющим все, что предстает его взору, а также все, что пока скрыто от него, но постепенно должно быть проявлено. И как бы эти наития и озарения ни приходили к нам – свыше через интуитивный ум или поднимаясь из сердца, – их источником всегда является божественный Оракул, скрыто пребывающий в свете над нашим умом и ниспосылающий их подобно сверкающим молниям. Но мыслящий ум не может функционировать правильным образом, потому что зависит от ограничений жизненной энергии в чувствах, от диссонансов ощущений и эмоций, от своих собственных ограничений: интеллектуального предпочтения, одностороннего толкования, инерции, самоволия – форм, которые, вмешиваясь, принимает в нем этот ум желаний, эта психическая прана. Как говорится в Упанишадах, все наше ментальное сознание пронизано нитями и потоками этой праны, этой жизненной энергии, которая борется и ограничивает, овладевает и теряет, желает и страдает, и только благодаря его очищению мы можем познать и ощутить наше подлинное и вечное «я».

Верно то, что корнем всего этого зла является чувство эго в самом уме; но на самом деле сознательный ум лишь отражает эго, уже созданное в подсознательном уме вещей, – ту немую душу камня и растения, которая присутствует в любом теле и любой жизни и только на финальных стадиях своего развития освобождается от немоты, обретает голос и пробуждается, а не создается изначально сознательным умом. И в такого рода восходящей эволюции именно жизненная энергия становится тугим узлом эго и именно ум желаний препятствует развязыванию этого узла, даже когда интеллект и сердце обнаруживают причину своих бед и рады бы от нее избавиться; ибо прана в них является тем непокорным Животным, которое своим упрямым норовом омрачает и искажает их знание и ограничивает их волю.

Поэтому ментальный Пуруша должен отделиться от этого ума желаний, перестав ассоциировать и отождествлять себя с ним. Он должен сказать: «Я не эта жизнь, которая борется и страдает, печалится и радуется, любит и ненавидит, надеется и обманывается, гневается и боится, пребывает в бодром или подавленном состоянии духа, зависит от витальных настроений и эмоциональных всплесков. Все это – лишь процессы и привычки Пракрити в чувственном и эмоциональном уме». После этого ум отстраняется от своих эмоций и начинает просто наблюдать за ними, как раньше наблюдал за движениями и ощущениями тела. В существе снова происходит внутреннее разделение. С одной стороны, мы имеем этот эмоциональный ум, в котором эти настроения и страсти продолжают возникать, согласно привычному движению гун Природы, а с другой – наблюдающий ум, который видит, изучает и понимает их, но никак не затрагивается ими. Он словно лицезрит своего рода представление или спектакль, разворачивающийся на ментальной сцене и не имеющий к нему никакого отношения. Сначала он смотрит с интересом и иногда по привычке отождествляет себя с тем или иным персонажем, потом очень спокойно и отстраненно и наконец начинает ощущать не только покой, но и чистый восторг своего собственного безмолвного существования, с улыбкой взирая на иллюзорность бушующих страстей, напоминающих радости и горести ребенка, который играет и увлекается своей игрой. Затем он осознает себя как владыку и подателя санкции, способного отозвать санкцию и прекратить эту игру. Когда санкция отозвана, происходит еще один важный феномен; эмоциональный ум становится естественно спокойным, чистым и свободным от всех этих реакций и, даже когда они возникают, он чув-

ствуется, что они рождаются не внутри него, а становятся результатом внушений, приходящих извне и все еще затрагивающих его внутренние струны; но и эта привычка постепенно ослабевает и со временем эмоциональный ум полностью освобождается от отвергнутых им страстей. Надежда и страх, радость и печаль, симпатия и антипатия, влечение и отвращение, довольство и недовольство, бодрость и подавленность, ужас и гнев, страх и отвращение, стыд и вспышки любви и ненависти покидают освобожденное психическое существо.

Что же приходит им на смену? Если мы пожелаем, это может быть абсолютный покой, тишина и бесстрастие. И хотя душа обычно должна пройти через эту стадию, это не та конечная цель, которую мы поставили перед собой. Поэтому Пуруша также становится владыкой, который повелевает и намерен заменить ложное наслаждение истинным, свойственным психическому существованию. Природа же исполняет его волю. То, что было основой желаний и страстей, превращается в реальность чистой, уравновешенной и спокойно-интенсивной любви, радости и единства. Вперед выходит подлинная душа, которая занимает место ума желаний. Очищенная и опустошенная чаша наполняется уже не сладко-горьким ядом страсти, а вином божественной любви и восторга. Страстные эмоции, даже страстное желание блага являются искаженными образами божественной природы. Эмоция жалости с ее нечистыми элементами физического отвращения и эмоциональной неспособности выносить страдания других должна быть отвергнута и заменена более высоким божественным состраданием, которое видит, понимает и принимает чужое горе и достаточно сильно, чтобы помочь и исцелить, но прибегая не к своеволию и бунту против страдания в мире и невежественному осуждению закона вещей и их источника, а к знанию и свету и действуя как инструмент Божественного в Его проявлении. Также и любовь, жаждущая удовлетворения желаний и обладания объектом своих чувств, подверженная радости и горю, должна быть заменена спокойной, неизменной, всеохватывающей любовью, лишенной всех этих витальных примесей, не зависящей от обстоятельств и не меняющейся из-за наличия или отсутствия ответной любви. Так нам надлежит работать со всеми душевными движениями; но об этом мы поговорим позднее, когда будем рассматривать Йогу самосовершенствования.

С этой двойственной возможностью, допускающей, с одной стороны, безразличие и покой, а с другой – интенсивную радость и пылкую любовь, все обстоит так же, как с действием и бездействием. Уравновешенность, а не равнодушие – вот та основа, на которую мы должны опираться. Умение стойко переносить страдания, сохраняя бесстрастие и безразличие, спокойное и смиренное принятие горя или радости без малейших реакций на то, что их вызывает, – такова подготовительная ступень или негативная основа уравновешенности; но полная уравновешенность достигается только тогда, когда она обретает свою позитивную форму любви и восторга. Чувственный ум должен обнаружить и воспринять *расу* Всепрекрасного, равно пребывающую во всем, сердце должно равно возлюбить все и ощущать Ананду во всем, психическая прана должна уметь наслаждаться этой *расой*, любовью и Анандой. В данном случае речь идет о позитивном совершенстве, которое приходит вместе с освобождением; в то время как нашей первой целью на пути знания является, скорее, само освобождение, которое достигается благодаря отделению от ума желаний и отказу от его страстей.

Ум желаний также должен перестать вмешиваться в процесс мышления, и это лучше всего сделать, отделив Пурушу от самого процесса мышления и формирования суждений. На этом мы уже останавливались, когда говорили о составляющих интегрального очищения существа. Ибо весь описываемый нами процесс познания является средством очищения и освобождения, благодаря которым становится возможным полное и окончательное познание себя, – таким образом, прогрессивное познание себя само становится инструментом очищения и освобождения. Метод освобождения мыслящего ума ничем не отличается от методов освобождения других частей существа. Пуруша, использовавший мыслящий ум для разо-

тождествления с жизнью и телом, а также с умом желаний, ощущений и эмоций, должен повернуться к самому мыслящему уму и сказать: «Это тоже не я; я – не мысль и не мыслитель; все эти идеи, мнения, суждения, усилия интеллекта, его склонности, предпочтения, догмы, сомнения, самокритичность не являются мной; все это лишь работа Пракрити, осуществляемая в мыслящем уме». Таким образом возникает разделение на ум, который мыслит и имеет намерения, и ум, который просто наблюдает. В результате Пуруша становится только свидетелем; он видит, он понимает процесс и закономерности своего мышления, но никак не затрагивается им. Затем, как податель санкции, он отзывает свою прошлую санкцию, поддерживающую сложное переплетение скрытого потока мыслей и рассуждающего интеллекта, и заставляет и то и другое прекратить свою неумную деятельность. Он становится свободен от подчиненности мыслящему уму и обретает способность к абсолютному безмолвию.

Для достижения совершенства в данном случае также необходимо, чтобы Пуруша снова занял свою позицию владыки Природы и направил свою волю на то, чтобы заменить интеллект и обычное неосознаваемое течение мыслей деятельностью истинного сознания, ниспосылающего свои озарения свыше. Но безмолвие также должно быть сохранено; ибо именно в тишине, переставая мыслить, мы обнаруживаем «Я» и осознаем его (а не просто интеллектуально понимаем, что это такое), а затем из ментального Пуруши мы уходим в то, что является источником ума. Но для осуществления этого перехода необходимо окончательное освобождение – освобождение от чувства эго в уме.

Глава IX. Освобождение от эго

Формирование ментального и витального эго, имеющего опору в теле и телесных ощущениях, было первым великим достижением космической жизни в ее прогрессивной эволюции; ибо она нашла средство, позволяющее ей создать из материи сознательное индивидуальное существо. Исчезновение же этого ограничивающего эго есть единственное условие и необходимое средство для того, чтобы эта космическая Жизнь достигла своей божественной полноты: ибо только так сознательный индивидуум сможет найти свое трансцендентное «Я», свою подлинную Личность. Об этих двух процессах или стадиях обычно говорят как о падении и искуплении или как о созидании и разрушении – зажжении пламени и его угасании или же формировании сначала маленького, временного и иллюзорного «я» с последующим освобождением от его ограничений и выходом в вечную беспредельность нашего истинного «Я». На самом деле человеческий ум разрывается между двумя противоположными точками зрения: становясь на первую, мирскую и прагматическую, он видит цель жизни в удовлетворении ментальных, витальных и физических запросов индивидуума или коллектива, ощущающих себя обособленным эго, и дальше этого не идет; становясь на вторую, духовную, философскую или религиозную, он считает единственным стоящим занятием подчинение эго интересам души, духа или любой другой высшей сущности. Даже в лагере сторонников эго есть два различных взгляда на космогоническую или материалистическую теорию вселенной. Одни склонны видеть в ментальном эго творение нашего ума, исчезающее с исчезновением ума в момент смерти тела; единственная непреходящая истина – это вечная Природа, осуществляющая свою деятельность в той или иной расе, и следовать нужно ее целям, а не нашим. Жизнь должна сводиться к осуществлению задач расы, коллективного эго, а не индивидуума. Другие мыслители, придерживающиеся более виталистических взглядов, считают высшим достижением Природы сознательное эго, каким бы эфемерным оно ни было, придают ему особую важность, называя человеческим образцом Воли к жизни, и полагают, что его величие и удовлетворение его потребностей является высшей целью нашего существования. В более многочисленных системах, опирающихся на те или иные религиозные концепции или духовные дисциплины, наблюдаются аналогичные расхождения. Буддисты отрицают существование какого-либо подлинного «я» или эго и считают, что нет ни универсального, ни трансцендентного Бытия. Последователи Адвайты заявляют, что душа, внешне обладающая индивидуальным существованием, по сути является высшим «Я» или Брахманом и ничем не отличается от него, что ее индивидуальность – иллюзия; по их мнению, избавление от индивидуального существования является единственным подлинным освобождением. Последователи других систем, в противоположность этой точке зрения, настаивают на бессмертии человеческой души; она, по их мнению, являясь основой множественного сознания в Едином или же зависимой, но все-таки отдельной сущностью, неизменна, реальна, непреходяща и вечна.

Среди всех этих различных и конфликтующих точек зрения искатель Истины должен выбрать ту, за которой, по его мнению, скрывается подлинное Знание. Однако, если наша цель – духовное освобождение или духовная полнота, то выход за пределы этой маленькой формы эго является настоящей необходимостью. Человеческий эгоизм и удовлетворение запросов эго не может привести к божественному совершенству и освобождению. Определенное очищение от эгоизма необходимо даже в том случае, когда речь идет об этическом прогрессе и облагораживании нравов ради улучшения и усовершенствования общества; а тем более это важно для обретения внутреннего мира, чистоты и блаженства. Но еще более радикальное освобождение, и не только от эгоизма, но и от идеи эго и чувства эго, необходимо, если наша цель – возвысить и преобразовать человеческую природу в божественную.

ственную. Опыт показывает, что есть прямая зависимость между степенью освобождения от ограничений ментального и витального эго и широтой нашей жизни, полнотой нашего существования, высотой нашего сознания, счастьем нашей души и даже нашим знанием, силой и полем нашей деятельности. Даже цели, преследуемые наиболее прагматической философией, легче всего достигаются не за счет удовлетворения мелочных запросов эго, а благодаря обретению свободы в более высоком и широком «я». В ограниченном бытии нет счастья, – гласит Писание, – широта существования приносит счастье. Эго по своей природе есть ограничение и скудость бытия; оно сужает сознание и вместе с этим сужением приводит к невозможности полноценного познания и парализующему неведению, оно ограничивает и ослабляет силу и в результате этого приводит к слабости и неспособности – к разделению единства, а из-за этого разделения – к дисгармонии и недостатку сочувствия, любви и понимания, оно подавляет или фрагментирует восторг существования, вынуждая нас ощущать боль и страдание. Чтобы вернуть утраченное, мы должны вырваться из миров эго. Эго должно либо исчезнуть в безличности, либо слиться с более широким «Я»; оно должно раствориться либо в более обширном космическом «Я», вмещающем в себя все эти более ограниченные «я», либо в Трансцендентном, по отношению к которому даже космическое «Я» является уменьшенным образом.

Но это космическое «Я» является духовным как по своей сути, так и на практике; его не следует путать с коллективным существованием, даже с групповой душой или жизнью и телом какого-то человеческого сообщества или даже всего человечества. В мировой мысли и этике сейчас главенствует идея подчинения эго прогрессу и счастью человеческой расы; но это ментальный и моральный, а не духовный идеал. Ибо этот прогресс представляет собой цепь ментальных, витальных и физических взлетов и падений, он лишен прочного духовного основания и не может предложить душе человека устойчивой опоры. Коллективное сознание человечества – это всего лишь более широкое эго или сумма индивидуальных «я». Сделанное из той же субстанции, имеющее ту же природу, что и сознание отдельного индивида, оно не обладает ни более великим светом, ни более вечным ощущением себя, ни более чистым источником покоя, радости и освобождения. Оно, скорее, даже более искажено, обеспокоено и омрачено и, вне всякого сомнения, более темно, спутанно и инертно. В этом смысле индивидуум выше массы и не может быть призван подчинить свое более просветленное сознание и присущие ему возможности этой более темной формации. Если свету, покою, освобождению, лучшему состоянию бытия суждено прийти, они должны низойти в душу из чего-то более широкого, чем индивидуум, а также более высокого, чем коллективное эго. Альтруизм, филантропия, служение человечеству сами по себе являются ментальными или моральными идеалами, а не законом духовной жизни. Если к духовному стремлению примешивается импульс отвергнуть себя и служить человечеству или всему миру, то он приходит не от эго и не от ощущения себя частицей расы, а от чего-то более тайного и глубокого, превосходящего и то и другое; ибо этот импульс основывается на ощущении Божественного во всем, и, подчиняясь ему, человек работает не ради эго или расы, а ради Божественного и осуществления его замыслов в индивиде, группе или коллективе. Именно этот трансцендентный Источник мы должны искать и служить ему, это более широкое бытие и сознание, более ограниченными проявлениями которого являются раса и индивид.

За прагматическим импульсом, который аскетическая и односторонняя духовность склонна игнорировать, отрицать или принижать, несомненно, есть определенная истина. И заключается она в следующем: поскольку индивидуальное и универсальное являются формами выражения этого более высокого и более обширного Бытия, то достижение их полноты и совершенства должно иметь какое-то реальное место в высшем Существовании. За ними должна скрываться какая-то высокая цель, поставленная высшим Знанием и Мудростью, какая-то вечная вибрация высшего Восторга: они не могли быть и не были созданы

напрасно. Но по-настоящему усовершенствовать и удовлетворить человечество, как и усовершенствовать и удовлетворить индивида, можно только в том случае, если в основе этого лежит более вечная, хотя еще и не постигнутая истина и суть вещей. Будучи более ограниченными формами выражения некоего более великого Существования, человечество и индивид могут достичь собственной полноты лишь тогда, когда то, производными чего они являются, познано и реализовано. Величайшее служение человечеству, построение самой надежной основы для его подлинного прогресса, счастья и совершенства заключается в том, чтобы отыскать или проложить путь, следуя по которому индивидуальный или коллективный человек сможет превзойти эго и жить в своем истинном «я», освобожденный от неведения, неспособности, дисгармонии и боли. Именно устремляясь к вечному, а не продолжая жить в оковах и следовать медленной коллективной эволюции Природы, мы сможем максимально быстро и уверенно достичь даже той эволюционной, коллективной, альтруистической цели, которую современная мысль и идеалы ставят перед нами. Но сама по себе эта цель второстепенна; обнаружить, познать, реализовать Божественное существование, сознание и природу и жить в них ради Божественного – вот наша подлинная цель и тот единственный идеал, к которому мы должны стремиться.

Таким образом, искатель высшего знания должен следовать путем духовных философий и религий, а не приземленных материалистических доктрин, даже если он ставит перед собой более глобальные цели и хочет осуществить более масштабные духовные замыслы. Но как далеко он должен идти в устранении эго? На древнем пути Знания мы достигаем избавления от чувства эго, привязывающего нас к телу, жизни и уму и вынуждающего говорить о любом из них или обо всех вместе: «Это – я». Мы должны не только, как на пути трудов, избавиться от «я» работника и видеть Господа как истинного владыку и источник всех трудов, а Его исполнительную Природу-силу или же Его верховную Шакти как единственного работника и посредника, но также отбросить это чувство эго, вынуждающее нас принимать инструменты или проявления нашего бытия за наше истинное «я», наш дух. Но даже если все это сделано, нечто все равно остается; остается первооснова всего этого, едва различимое ощущение отдельного «я». Эта первооснова эго – нечто смутное, неопределимое и неуловимое; она не связывает себя с чем-то конкретным, не считает собой какую-то часть природы и не нуждается в этом; она не отождествляет себя и ни с чем коллективным; это своего рода фундаментальная форма или сила ума, заставляющая ментальное существо чувствовать себя неким неопределимым, но все-таки ограниченным существом, не являющимся умом, жизнью или телом, но направляющим их активность в Природе. Другие формы эго (ментальные, витальные и телесные) представляли собой смешанные идею эго и чувство эго, опирающиеся на игру Пракрити; но здесь мы имеем дело с фундаментальной силой эго, основанной на сознании ментального Пуруши. И поскольку кажется, что она не участвует в этой игре, а присутствует за ней или позади нее, и поскольку она не говорит: «Я есть ум, жизнь или тело», а говорит: «Я – существо, от которого зависит деятельность ума, жизни и тела», многие считают себя освобожденными и принимают это неуловимое Эго за Единого, за Божественное, за истинного Пурушу или, по крайней мере, за свою истинную Личность – путая бескачественное с Бесконечным. Но пока это фундаментальное чувство эго сохраняется, абсолютное освобождение невозможно. Эгоистическая жизнь может продолжаться, опираясь на это основание, даже если ее сила и интенсивность сведены до минимума. Если возникает ошибка в отождествлении, эгоистическая жизнь, воспользовавшись этим, способна обрести достаточно большую мощь и силу. Даже если такой ошибки нет, если эгоистическая жизнь стала шире, чище, пластичнее, если достижение освобождения кажется более легким, а его финальная стадия более близкой, полностью и окончательно освободиться все-таки не удастся. Необходимо идти дальше, отбросить также и это смутное, но фундаментальное чувство эго и возвратиться к Пуруше, в котором оно находит опору и

тенью которого является; эта тень должна исчезнуть, явив в результате своего исчезновения чистую и незамутненную субстанцию духа.

Эта субстанция является сокровенной сутью человека, которую в Европе зовут Монадой, а в индийской философии – Дживой или Дживатманом, живой сущностью, «я» живого существа. Этот Джива не является ментальным чувством эго, созданным деятельностью Природы для ее временных целей. Джива, в отличие от ментального существа, витальных и физических частей, не связан ее привычками, законами и процессами. Он является «я» или духом, превосходящим Природу. Да, действительно, он соглашается с ее действиями, отражает ее настроения и поддерживает тройного посредника – ум, жизнь и тело, – через которого она навязывает эти действия и настроения сознанию души; но сам по себе Джива является живым отражением или формой души, или автономным творением универсального и трансцендентного Духа. Единый Дух, отразивший определенные качества своего бытия в мире и душе, становится множественным в Дживе. Этот Дух является глубочайшей Сущностью нас самих, Единым и Высочайшим, Всевышним, которого мы должны познать, бесконечным существованием, в которое мы должны проникнуть. До этого момента разногласий между духовными учителями не возникает, все они сходятся в том, что это и есть высочайший объект знания, трудов и преданности, что его необходимо достичь, что Джива должен освободиться от чувства эго, принадлежащего низшей Природе или Майе. Но, миновав этот рубеж, они расстанутся, и каждый идет в свою сторону. Монист следует по пути чистого Знания и выдвигает в качестве единственного идеала тотальное возвращение, полное растворение, исчезновение или угасание Дживы во Всевышнем. Дуалист или частичный монист сворачивает на путь Преданности и тоже призывает нас отбросить низшее эго и материальную жизнь и считать высочайшим уделом человеческого духа не самоугасание буддиста и не саморастворение адвайтиста, не поглощение множества Единым, а вечное существование, в котором все мысли, вся любовь и вся радость неразрывно связаны со Всевышним, Единым и Все-Любящим.

У ученика интегральной Йоги не может быть никаких колебаний в выборе пути; будучи искателем знания, он должен искать интегральное знание, а не что-то половинчатое, привлекательное или исключительное и высоко вознесенное. Он должен взмыть к высочайшим пикам, но также расширить радиус своего полета и попытаться достичь максимальной широты и всеохватности, не связывая себя никакой жесткой схемой метафизической мысли и будучи готовым принять и совместить все высочайшие и величайшие, наиболее полные и разнообразные опыты души. Если предельной высотой духовного переживания, единственным пиком всех реализаций является абсолютное единение души с Трансцендентным, превосходящим и индивидуальное и вселенское, то широчайшим выражением этого единения должно стать обнаружение, что этот самый Трансцендентный является истоком и поддержкой, первоосновой и творящим и наполняющим духом как индивидуального, так и вселенского – этих двух проявляющих сил божественной Сущности и божественной Природы. Каким бы путем садхак интегральной Йоги ни следовал, это должно быть его целью. Йога Действия тоже неполна, не абсолютна, не достигла своего победного завершения, пока искатель не осознал свое изначальное и интегральное единство со Всевышним и не живет в нем. Он должен быть един с Божественной волей на вершине своего существа и своего сознания, но также в глубинах и на всех уровнях своего существа, в своей работе, в своих намерениях, в своих активных действиях, в своем уме, теле и жизни. В противном случае он может быть освобожден лишь от иллюзии индивидуальных трудов, но не от иллюзии отдельного существования и восприятия себя отдельным орудием [Божественного]. Он трудится, как слуга и инструмент Божественного, но венец и совершенная основа или мотив его трудов заключается в единстве с тем, кому он служит и кого реализует. Йога преданности тоже достигает полноты только тогда, когда любящий и Любимый слились друг с другом

и все различия между ними исчезли в экстазе божественного единения. Но все же мистерия этого единения такова, что любящий не исчезает и не поглощается, хотя не остается ничего, кроме существования Любимого. Именно к этому высочайшему единству прямиком ведет путь знания, желание достичь абсолютного единства побуждает идти по нему, а переживание этого единства делает его таким привлекательным: но именно этому высочайшему единству необходима в качестве поля своего проявления максимально возможная космическая широта в искателе. Подчиняясь практической необходимости последовательно избавляться от эгоизма нашей тройственной природы и ее фундаментального чувства эго, мы приходим к осознанию духа, «я», владыки этого индивидуального человеческого проявления, но пока мы не сделаем это «я» в индивидууме единым с космическим духом и не обнаружим их более великой реальности наверху, в невыразимой, но все-таки познаваемой Трансцендентности, наше знание не станет интегральным. Этот осознавший свою свободу и независимость Джива должен забыть себя, погрузившись в Божественное бытие. «Я» человека должно стать единым с «Я» всего; «я» конечного индивида должно слиться с безграничным конечным, а этот космический дух должен быть превзойден в трансцендентном Бесконечном.

Этого не сделать без бескомпромиссного искоренения чувства эго в самом его источнике и основе. На пути Знания от него избавляются, прибегая как к негативным методам – отрицая саму реальность эго, так и к позитивным – постоянно сосредоточивая ум на идее Единого и Бесконечного, пребывающего за пределами всего, или Единого и Бесконечного, пребывающего во всем. Если эти методы практикуются с настойчивостью и упорством, то ментальный взгляд на себя и весь мир начинает меняться, происходит своего рода ментальная реализация; затем постепенно или, возможно, быстро и императивно и почти с самого начала ментальная реализация углубляется и становится духовным опытом – осознанием глубинной и сокровенной сути нашего существа. Все чаще и чаще мы начинаем ощущать нечто неопишемое и безграничное, невыразимые покой, тишину, радость и блаженство, чувствовать абсолютную безличную Силу, чистое существование, чистое сознание, всепроникающее Присутствие. Эго, само по себе или в своих привычных побуждениях и реакциях, продолжает упорствовать, но все более и более привычным становится покой Единого; движения эго пресекаются, отклоняются, все решительнее и решительнее отвергаются, утрачивают свою мощь и силу, становятся малоактивными или чисто механическими. В конце концов происходит полный отказ от эгоистических движений и постоянное пребывание всего сознания в бытии Всевышнего. Вначале, когда в нашей внешней природе преобладают беспокойная сумятица и омрачающая нечистота, когда ментальное, витальное и физическое чувство эго все еще сильно, этот новый ментальный взгляд на себя, эти переживания могут казаться чрезвычайно труднодостижимыми, но как только тройственный эгоизм нашей природы ослаблен или устранен, а инструменты Духа настроены и очищены, тогда в полностью чистом, безмолвном, просветленном, расширенном сознании, как небо в прозрачном озере, может отразиться чистота, бесконечность и покой Единого. Все более доступными и насущными становятся контакт или единение этого отраженного Сознания с тем, что оно отражает, а преодоление или устранение зияющей пропасти между той неизменной, эфирной, безличной широтой и безграничностью и этим когда-то беспокойным вихрем или узким потоком индивидуального существования уже не кажется чем-то невозможным и недостижимым и может происходить довольно часто или даже стать постоянным и неизменным состоянием. Ибо даже до достижения полного очищения, если струны эгоистического сердца и ума уже в достаточной степени истончились и ослабли, Джива может, неожиданно порвав главные пути, взмыть, подобно освобожденной птице, в безграничный простор или, как прорвавший плотину поток, широко разлиться в Едином и Бесконечном. Мы вдруг чувствуем, что наше сознание стало космическим, что мы выброшены во вселенскую необъятность; из этой уни-

версальности можно с большей легкостью устремиться к Трансцендентному. Стены, стеснявшие наше сознательное бытие, отодвигаются, отступают или рушатся; теряется всякое ощущение личности или индивидуальности, нам кажется, что мы более не находимся в Пространстве и Времени или в потоке деятельности Природы, что мы не подчинены ее законам; это более не существует, не остается никакой определенной и поддающейся описанию личности, лишь – сознание, существование, покой и блаженство; мы становимся бессмертием, безграничностью, вечностью. От индивидуальной души не остается ничего, кроме гимна покою, свободе и блаженству, звучащего где-то в Бесконечном.

Если ментальное существо недостаточно очищено, освобождение вначале бывает частичным или временным; кажется, что Джива снова нисходит в эгоистическую жизнь и утрачивает более высокое сознание. На самом деле между внешней природой и более высоким сознанием возникает некая пелена или вуаль, Пракрити на какое-то время возвращается к своей старой привычке работать под принуждением, не всегда зная и помня об этом возвышенном переживании. То, что действует в ней тогда, – это призрак старого эго, который с помощью остатков смешения и нечистоты, еще имеющих в природе, поддерживает механическое повторение прежних привычек. Эта пелена то возникает, то исчезает, восхождение и нисхождение сменяют друг друга, и так продолжается до тех пор, пока от нечистоты не удастся полностью избавиться. В интегральной Йоге этот период может быть довольно долгим, так как в ней необходимо достичь абсолютного совершенства; садхак должен быть способен всегда, в любых обстоятельствах, и в действии, и в бездействии открываться сознанию высшей истины, а затем жить в нем. Недостаточно иметь совершенную реализацию в транс самадхи или в глубоком покое, он должен и в транс и в бодрствующем состоянии, в пассивном созерцании и в активной деятельности оставаться в постоянном самадхи сознания, прочно утвердившегося в Брахмане.¹⁷ Но когда наше сознательное бытие становится достаточно чистым и ясным, у нас появляется возможность устойчиво пребывать в более высоком сознании. Ставший безличным, Джива, единый с универсальным Я» или пребывающий во власти Трансцендентного, живет, обосновавшись высоко вверху,¹⁸ и оттуда спокойно взирает на прежние природные процессы, остаточные формы которых все еще могут возникать в его природных частях. Деятельность трех гун Пракрити в его внешнем существе не может затронуть его, и даже приступы печали и страдания не в состоянии пошатнуть и свергнуть его с его высокого трона. И наконец вуаль между высшим и низшим сознанием полностью исчезает, и тогда высший покой овладевает волнением и беспокойством низшей природы. Воцаряется нерушимая тишина, в которой душа может стать полным хозяином себя вверху, внизу и на всех уровнях своего существа.

¹⁷ Бхагавад-гита.

¹⁸ Удасина (*udāsīna*) – [букв. «пребывающий наверху»] слово, обозначающее духовное «безразличие», то есть бесстрастную свободу души, вкусившей высшего знания. – Прим. Шри Ауробиндо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.